

Аркадий Грищенко

О ЛЮБВИ
И НЕ ТОЛЬКО

рассказы

Аркадий Грищенко

О любви и не только. Рассказы

«Издательские решения»

Грищенко А. А.

О любви и не только. Рассказы / А. А. Грищенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742922-5

Рассказы, включенные в книгу «О любви и не только», автор написал в 2014—2015 гг. В них чаще всего использованы житейские истории, связанные с взаимоотношениями мужчины и женщины. Рассказы насыщены юмором, а иногда и фантастическими событиями.

ISBN 978-5-44-742922-5

© Грищенко А. А.
© Издательские решения

Содержание

Задорнов не прав	6
Краса Забурдаевска	9
Ходоки	27
Я обязательно вернусь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

О любви и не только
Рассказы
Аркадий Грищенко

© Аркадий Грищенко, 2016

ISBN 978-5-4474-2922-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Задорнов не прав

Дед Максим поглядел на меня прищуренным взглядом и сказал:

– Ты, конечно, хочешь, чтобы я рассказал тебе про свою амурную жизнь?

У меня глаза на лоб полезли.

– Ты что, дедуль, ничего такого я не говорил и не просил!

Нужно сказать, что про моего деда вся деревня плела такое, что впрямь было бы интересно узнать, что здесь правда, а что вымысел досужих бабок, грызущих семечки на скамейках у порога каждого дома. Но сам я боялся задавать всякие взрослые вопросы, считал это несколько аморальным. Мало ли что когда-то здесь происходило, дедушке скоро восемьдесят, мог и пошкодить малость!

– Знаешь, внучек, – дед задумчиво глядел на высокие березы на другом берегу пруда, ветки которых раскачивались под напором ветра, – я ведь попал сюда сразу после отечественной. Это сейчас деревня прилично выглядит, а в 1945 году стояли одни развалины, хозяйство запущено, пару стариков и табун молодаек встретил я по дороге домой. Девчонки поразили меня своей веселостью... Война только закончилась, горе кругом, а они не унывали, за все брались и потихоньку деревня преображалась. В городе я никого из родни не встретил, судьба всех разбросала: кто под бомбежкой погиб, кто пропал при эвакуации, а кто переехал в столицу на заработки. Никого из родни... Не долго думая, все также пешком вернулся я сюда, да так здесь и прожил всю свою жизнь.

Мы сидели в палисаднике у дедова дома, на столе стоял старинный медный самовар, сильно потускневший от времени. Кипяток булькал в стакан, на треть заполненный заваркой черного цейлонского чая. Не торопясь, мы пили с вишневым вареньем этот чай, и я слушал воспоминания деда Максима. Начинало вечереть, небо было ясным, без облаков, солнце садилось где-то там, за холмом в конце деревни. Верхушки берез за прудом освещались последними лучами остывающего солнца, и уже чувствовалось скорое приближение печальной осенней поры.

– Так вот я и говорю, – продолжал между тем мой дедуля, – вернулся я сюда и вместе с жителями начал работать, приводя хозяйство в образцовый порядок. Кое-кто еще с фронтов явился, кто с увечьем, кто нормальный. То есть мужиков у нас подобралось немало. Но бабья команда, конечно, была значительно обширней, много было женщин! А ведь они какие? Им в первую очередь прирост населения обеспечить надо, поэтому и происходили в деревне всякие происшествия эротического характера. Ты уже парень взрослый и понимать должен, что любая женщина по-своему красива и каждая ищет себе лучшего на ее взгляд мужчину для полноценного продолжения рода. Но их-то красивых в том далеком году оказалось в четыре раза больше нас, самых обыкновенных прокуренных махоркой парней, причем самого разного возраста. Первая моя подружка – пышногрудая Валюха Синюкова – понравилась мне в первый же день, когда мы толпой после работы в поле купаться в пруд полезли. Она неожиданно стянула через голову лифчик и плескалась рядом без него. Остальные бабы хохотали, а у меня мозги набекрень пошли. И сразу после того купанья у нее остался, завели свое хозяйство, и неплохо, надо сказать, сначала жили, но всего два года. Детей у нас не получалось, и как-то я стал присматриваться к другим девахам. Парень я тогда был видный, крепкий, женское поголовье на меня всегда заглядывалось. И сам я из-за этого считал, что смогу любую завлечь. И если у той ухажер был, то за себя всегда мог постоять.

Я по-новому взглянул на своего деда. Не сказал бы, что статью он особенно отличался, да и рост не шибко за полтора метра вышел. И тот же нос слегка картошкой... Но он продолжал, как ни в чем не бывало:

– Короче, однажды ночью, когда Валюха крепко спала, я сбежал из дома к соседской Глашке. Муж у той в город по каким-то делам смотался, а я давно такой случай ждал, залез через окно и в кровать под одеяло, как к себе, нырнул. Глаша спросонок не разобралась, не отказала, но утром обе мои бабы устроили мне приличный скандалчик. Валька сразу заявила, что я должен выбирать одну, а Глашка почему-то ничего не сказала, только принялась порванное в потасовке платье зашивать. И я ее выбрал, зря что ли момента полгода ждал! Мне даже не пришлось сильно с Тарасом ссориться, когда он из города вернулся. Оказалось, что у них с моей Валюхой давно уже что-то наклевывалось, так что он мне даже руку пожал:

– Теперь ты с ней помучайся!

Конечно, я слегка озадачен был таким конкретным предупреждением, но дело сделано, стал я жить с Глашей и ихним сыночком Саней. В постели Глаша была зверь, а не женщина, за что я ее сначала очень даже уважал, но через пару месяцев моя уважалка увяла и, удивленная таким обстоятельством, Глаша не постеснялась выгнать меня из дома посреди ночи. До утра просидел я на крылечке, но утром проснувшись гражданская жена сурово поинтересовалась, что я здесь, собственно, забыл? И поскольку действительно моего в этом доме оставалось очень мало, даже Саня был чужой, побрел я вдоль деревни, поглядывая на окна, ожидая, что кто-то вспомнит про меня что-нибудь хорошее и пригласит на утренний стакан молока с хлебом. Естественно, что я не остался одиноким, уже к вечеру, прослышав про случившееся, до меня стали помогать три женщины. Не сказать, конечно, что все трое обладали изящными фигурами – это все-таки деревня была – но выбрать нашлось кого: продавщица Маша Гришина с нашей продуктовой палатки показалась мне лучшей парой. Неважно, что мужиков она меняла часто, зато в доме всегда свежие мясные изделия имелись. Отъедаться, правда, мне пришлось недолго. Характер у Машки был сложный, любила порядок дома и требовала большой объем работы от меня, причем на всех фронтах. После троих ее детишек мусору за день набиралось достаточно, а я, наработавшись на ферме, к вечеру еле таскал ноги и уборщик был неважный. А, учитывая, что сил не было также и для изготовления четвертого ребеночка, ожидал я и здесь скорого развода и ночного отдыха на крылечке при свете луны. Не понимал я Машку, зачем ей столько наследников – по одному от каждого жившего с ней мужика! Почти год не понимал, пока она не нагуляла очередного мальчику на стороне. Вновь мне пришлось перебираться в другой дом, к тихой красавице Нюшке. Не знаю, что она во мне нашла, но сама привела меня с пруда, где я бесцельно следил за поплавками единственного в деревне рыболова – убогого Васятки Лымарева. В нашем пруду рыбы не водилось никогда, но Васятка не терял надежды когда-нибудь одну все-таки поймать. Здесь-то Нюша Горунова меня и отыскала, привела домой, отмыла и спать положила. А через полгода стал я отцом. Вот такие-то дела... – закончил повествование дед, причем я заметил, что глаза у него стали совсем сонные. Я отвел дедулю в дом, помог лечь в постель и пошел собираться домой, до города на «Жигуленке» добраться мне было не долго.

На нашем месте в слабом свете луны сидела моя бабуля, вернувшаяся от соседки.

– Хорошо, баб Нюш, что ты пришла, мне пора ехать, а деда боязно одного оставлять...

– Да я давно вернулась! – ответила бабуля, улыбаясь. – У плетня стояла за вами и слушала, что за лапшу Максим тебе на уши вешает.

– Как? Он мне неправду рассказал?

– Главного он, точно, не сказал – то, что он в деревне самый первый фантазер! Куда убогому Васятке до него! С войны Максим пришел контуженный куда-то там пониже спины, поэтому детей своих так и не завел... Кто с фронта пришел, у каждого проблемы со здоровьем были. Мы, бабы, это понимали и по-своему жалели их.

– А дети? Мой отец, например?...

– Теперь-то тебе все можно знать, скоро сам отцом станешь. Был в то время у нас приезжий американец, привез сельскохозяйственную технику, обучал мужиков работать на ней.

Задорнов, юморист наш, не совсем прав: может быть американцы и тупые, но в деле размножения толк знают. Румяный этот Джон был, красивый, в военной ихней форме. Вот все бабы за неимением своих нормальных самцов от него тогда и рожали. Кстати, ясные голубые глаза у тебя очень уж американские! И румянец... А что касается деревенских женщин, то они выбрали Максима для пересудов только из-за того, что с самого начала он был первым вруном в округе. Что ни расскажет, сам же в это через час поверит!

Краса Забурдаевска

Была середина осени и за окнами медленно опадали желтые листья с деревьев. Мэр города Забурдаевска Масляков сидел за накопившимися бумагами в кабинете уже после окончания рабочего дня с целью привести свою корреспонденцию в порядок. Он несколько дней отсутствовал на работе по причинам командировки в область и посещения после командировок хорошей знакомой в соседнем городке Неклюевске. Марина повстречалась ему совершенно неожиданно в прошлом году, когда он возвращался во второй половине солнечного дня от губернатора. Тогда он был вынужден остановиться на дороге, когда повстречал стоявшую на обочине иномарку и находившуюся внутри молодую женщину. Водитель мэра уже было проехал с десятков метров за стоящую машину, но что-то просигналило в голове Станислава Петровича, обратившего внимание на включенные габаритные огни внедорожника, слабо заметные в лучах яркого еще солнца.

– Стоп! – поднял он руку. – Может, помощь нужна?

Он сам вышел из своей служебной старенькой «Тойоты», оставив Михаила в кабине. Пока мэр двигался к сигналившей иномарке, женщина открыла дверь и тоже вышла ему навстречу. Они сблизилась, после чего Станислав Петрович понял, что голова у него сработала в правильном направлении: женщина оказалась необычайно привлекательной, а ее транспортное средство – мощный английский «Ленд-ровер» фирмы «Дискавери» – нуждалось в технической помощи, резина на правом заднем колесе была местами разорвана в клочья.

– Вы остановились, чтобы мне помочь? – несколько взволнованно спросила незнакомка. – Как это по-джентльменски! Стою уже два часа, и никто на мою беду не откликнулся, даже в минуты осмотра мною колеса и отчаянных попытках привлечь внимание...

– Если у вас имеется запаска, то проблем не будет! – пообещал мэр. – Меня звать Станиславом, представьтесь тоже, чтобы легче было общаться.

– Да, конечно, – обрадовалась женщина, – запаска лежит в багажнике. Для вас я – Марина, Марина Круглова. Я из Неклюевска, а вы, видимо, тоже из нашей области будете, номер машины подсказывает.

– Из Забурдаевска, – сознался мэр, махнув рукой Михаилу. Тот живо выпрыгнул на дорогу, проворно осмотрел повреждение и полез в багажник. Мэру пришлось помогать для видимости, чтобы наладить контакт с Мариной.

Замена восемнадцатидюймового колеса была выполнена за неполные двадцать минут, благо все необходимые приспособления – баллонный ключ, электронасос – нашлись сразу.

– Вот и все дела! – с милой улыбкой сказал Станислав Петрович, отослав водителя в «Тойоту» и помогая милой даме забраться на водительское сидение.

– Что бы я без вас делала!? – воскликнула Марина. – Я в большом долгу перед вами. Как я смогу отплатить за помощь?

И здесь мэр задумался, стоя перед раскрытой дверью «Ленд-ровера». Он взвешивал свои шансы: Марине на вид было не более тридцати пяти лет, а ему недавно стукнуло уже пятьдесят пять, к тому же не пристало мэру города, хоть и небольшого для огромной России, приставать с интимными предложениями к незнакомым и неизвестно чем занимающимся женщинам. А с другой стороны после подобного предложения, поняв, что оно неудачное, можно было все превратить в шутку и легко сознаться, что такая помощь – это обязанность любого настоящего мужчины.

– Вы, похоже, стесняетесь, – напомнила о себе Марина, заметив колебания мэра. – Станислав, вы такой очаровательный мужчина, прошу вас – будьте свободнее, и не сомневайтесь – свои долги я всегда возвращаю. Давайте сделаем так: вы дадите мне свой номер телефона,

и завтра я вам позвоню в полдень. Думаю, что о чем-нибудь мы точно договоримся. К тому же у вас появится время все продумать и взвесить...

У мэра будто гора с плеч свалилась, ему самому не хотелось торопить события, тем более Михаил из-за руля «Тойоты» уже призывно махал руками, торопя своего начальника побыстрее занять положенное место рядом. Он сообщил номер своего рабочего телефона, а также запасного мобильного, который лежал у него в кабинете на всякий случай. Марина терпеливо все записала, слегка благодарственно коснулась руки мэра, и он захлопнул дверь.

«Ленд-ровер» быстро умчался вдаль. И, как ни спешила «Тойота», нагнать его она не смогла, к тому же вскоре они проехали и поворот на Неклюевск.

– А ничего баба, да, Станислав Петрович? – догадливо спросил Михаил, несколько раз взглянув на задумчивого мэра.

– Что? – очнулся мэр. – Ты давай на дорогу смотри и гони побыстрее! Нам еще к концу рабочего дня в контору успеть надо...

– А если надо, то чего останавливались? – рассердился водитель. – Мне за эти доплаты никто платить не будет!

– Ну, вот что ты Миша за человек? – возмутился Станислав Петрович. – Как отпрашиваться с машиной свои дела делать, так ты за доплаты добавки не просишь... Впрочем, ладно, – вспомнив глаза, губы и стройные ноги Марины, добавил он, – вот тебе сотня, выпьешь сегодня банку пива за мое здоровье!

На следующий день – в пятницу, хотя был последний день недели, мэр города, чувствовалось, был не в своей тарелке. Все старались его обходить подальше, иначе от него сразу сыпались задания на разные темы, или вопросы, на которые не каждый мог бы ответить. Станислав Петрович ночью спал очень плохо, то и дело просыпался, ворочался, отчего и жене тоже спать не давал. А все потому, что во сне он то и дело к месту и не к месту встречал запомнившееся ему лицо Марины. Вроде ведет он заседание мэрии, а среди собравшихся видит Марину. Или ловит с соседом-предпринимателем Петром Зайцевым рыбу в выходной, и здесь неожиданно ему Марина с удочкой на другой стороне реки грезится! Короче, находился мэр Забурдаевска на взводе в ожидании того самого времени, что назвала Марина, то есть полудня. И старался не допустить ситуации, которая заставит его покинуть кабинет в назначенное время. Секретарша Любочка на счастье догадалась отпроситься по личному делу сразу после одиннадцати часов, что сняло главную проблему.

Ровно в двенадцать тихо звякнул городской телефон и Станислав Петрович облегченно вздохнул. Он допускал, что встреченная им накануне женщина могла просто найти предлог побыстрее отвязаться от мужчины приличного возраста, запросив номер телефона, а на самом деле – даже не задумывалась о возврате какого-то мифического долга. Мэр быстро снял трубку и постарался придать своему голосу максимально душевные нотки:

– Слушаю вас!

– Это – Станислав? – прозвучал музыкой долгожданный вопрос из Неклюевска.

– Да, это я, – сознался мэр. – А вы, наверное, та самая...

– Правильно, я – Марина! Добрый день! Вы не будете возражать, если для меня останетесь именно Станиславом, а не Станиславом Петровичем?

– Марина! Вы меня вычислили?

– Имея номер городского телефона, это не трудно.

– Можете называть меня даже Стасиком! – в чувствах разрешил мэр. – А еще... мы можем сразу перейти на ты!

– Конечно, Стасик! – игриво промурлыкала Марина. – Собственно, я и позвонила, чтобы поговорить наедине. Надеюсь, нас точно никто не слушает?

– Обижаете!

– Прекрасно, но, чтобы вернуть вчерашний долг в соответствии с промелькнувшим в твоих глазах желанием, разговора по телефону недостаточно. Верно?

У Станислава Петровича прыгнуло сердце. Он сказал:

– Секундочку! – затем быстро положил трубку на стол, вышел в приемную и закрыл ее дверь изнутри на ключ. Вернувшись, мэр вновь приступил к разговору уже без прежней неловкости:

– Марина! Где мы можем встретиться?

Говорили в тот день они почти час и определили место и время своих встреч. Это было не очень сложно, потому что города были недалеко друг от друга, у мэра были возможности уезжать в командировки, а у Марины уже давно отсутствовал муж, нашедший ей достойную замену, и имелась прекрасная квартира на окраине Неклюевска. Уже через полчаса после телефонного звонка любовники могли остаться наедине в уютном гнездышке. Марина ничего необыкновенного от Стасика не требовала, а его такое положение дел устраивало уже целый год.

Папка с входящей корреспонденцией мэра настолько разбухла за последнее время, что Станислав Петрович, начав работу с ней, ожидал, что провозится слишком долго и заранее предупредил супругу:

– Послушай, дорогуша, – обратился он к ней, – у меня много непрочитанных бумаг собралось, целых три папки! Сегодня задержусь, чтобы поработать с ними. Если что – позвонишь...

– Что же ты тогда на работе делаешь, если бумаги накапливаются? – недовольно проворчала Людмила Маслякова. Жена мэра имела приличный избыточный вес, потому что оставила работу сразу, как только муж принял мэрию. Единственное их чадо – тридцатилетний сын Николаша – так и не пошел работать, пользуясь материнской защитой и достатком в доме. Он проводил время, в основном, за компьютером, осваивая появляющиеся все время новые игры. Кроме того, Николаша имел возможность также осваивать всех девиц, которых ему находила мать, имея целью женить отпрыска для продолжения рода. Встречающий в доме новое девичье лицо, Масляков-старший перестал с течением лет удивляться и махнул на все рукой, ограничившись легким знакомством с кандидатками. Он только удивлялся, каким образом Николаша еще ни разу не сделал его дедушкой, видимо природа относилась к Станиславу Петровичу довольно милостиво. В противном случае, совершенно не приспособленный к семейной жизни сын, не скрывающий кстати этого от потенциальных невест, мог иметь на стороне кучу внебрачных детишек. Нужно отметить, что Масляков-старший даже благодаря этим неожиданным встречам в собственном доме был очень высокого мнения о девушках Забурдаевска, об их стройности и миловидности, поэтому, когда ему во время проглядывания накопившихся бумаг попался на глаза План культурных мероприятий города на четвертый квартал с необычным первым пунктом «Проведение конкурса красоты», мэр надолго задумался. С одной стороны, на проведение мероприятия нужно было найти средства, а с другой – красавиц в Забурдаевске должно было хватить, чтобы конкурс получился знатным, на него можно было пригласить нужного человека от губернатора, можно было организовать хорошую статью про развитие культуры в правильном направлении в руководимом им городе. А победительницу можно было бы рекомендовать для участия в конкурсе на более высоком уровне – в область или даже в столицу.

Масляков пометил в перекидном календаре слово «Конкурс» и продолжил просматривание докладных, служебных записок, сложных для решения жалоб жителей города с противоречивыми предложениями заместителей, и остальную макулатуру. Выбрасывать в мусорную корзину непонравившиеся ему документы мэр Забурдаевска не имел привычки, старался все возникающие вопросы решать в установленное законом время, за что его уважали сотрудники, доверяли жители города, и он был на хорошем счету у губернатора. На каждом документе красивым почерком, оставшимся от матери в наследство, Станислав Петрович черкал золотой

авторучкой поручения в отделы и заместителям. За окном уже стало смеркаться, а папка еще и наполовину не опустела. Лежавший на краю стола мобильный белый телефон неожиданно пропел серенаду Шуберта и мэр быстро поднес его к уху. По нему могла звонить лишь Марина.

– Слушаю, моя радость! – отозвался мэр.

– Стасик! А что ты так долго делаешь на работе? – поинтересовались из Неклюевска нежным голосом. – Никак уже нашел мне замену?

– Такого никогда не будет! – пообещал Станислав Петрович. – Ты меня случайно застукала, уже собирался давно уходить, но бумаг много набралось и не терпят отлагательств. Кстати, здесь отдел культуры предлагает конкурс в городе провести «Краса Забурдаевска». Как тебе задумка?

– Ты хочешь, чтобы и я в этом конкурсе поучаствовала?

– Так ты же с другого города, Марина! – удивился мэр.

– Я пошутила, стара стала для таких мероприятий!

Масляков даже расстроился:

– Как раз ты и могла первое место занять, если бы захотела...

– Спасибо, дорогой! Рада, что ты так считаешь, попробую побывать на вашем конкурсе инкогнито, потом сообщу тебе, правильно ли комиссия первое место присудила... – она немного помолчала. – Пока! Завтра созвонимся.

Мэр, поглядев в окно и поняв, что пора работу прервать, поднялся и стал собираться домой. Идея конкурса его так захватила, что он даже не сильно расстроился, услышав на ночь волнующий голос Марины. Выходя из мэрии, он попрощался со сторожем – стариком Крутиковым, который работал здесь дольше Маслякова раза в три.

– Ну, как работается, Алексеич? – весело спросил мэр. – У нас скоро конкурс проводить будем среди девушек, билетик тебе забронировать?

– Это какой? – заинтересовался сторож, от него пахло хорошим самогоном.

– Конкурс этот наша Культура придумала: «Краса Забурдаевска» называется.

Крутиков, недолго думая, сказал:

– Мне, Петрович, до работы и обратно дойти бы с такими ногами, а ты про девушек талдычишь! Забываешь, что я – инвалид третьей группы, не до них мне. Выходи поскорей, дай дверь запру покрепче...

Добравшись домой, Масляков загнал машину в гараж, зашел в спальню к жене и убедился, что она крепко спит, а это значит, что супружеского долга никто сегодня не попросит. Нужно отметить, что в последнее время, Людмилу как раздрало напоминать об этом долге, хотя Станислав Петрович уже несколько лет убедительно ей доказывал, что в его годы и при его напряженной работе о супружеском долге приходится забыть.

– Пойми, дорогая, либо моя работа на посту мэра и соответствующая зарплата с содержанием этого особняка с двумя иномарками, либо – не очень ответственная работа в другом месте, переезд в двухкомнатную квартиру на первом этаже «хрущевки», устройство на работу Николаши и продажа его автомашины для возможности нормального проживания. Пойми, я просто изматываюсь на работе и мне не до выполнения какого-то там супружеского долга!

Поскольку нарисованная перспектива сильно страшила супругу мэра, особенно переживавшую за любимого единственного сына, а также за огороженный участок с двухэтажным домом, вынесенной баней и двумя гаражами, она не сильно напрягала мужа своими требованиями, так – побубнит чуток и отваливает на боковую. После чего Станислав Петрович выпивает полстакана «Старки» или хорошего французского коньяка, принимает душ, проверяет настрой на ночную работу сторожевого пса Вулкана и – чаще всего – ложится спать на широком новомодном диване в своем рабочем кабинете. Сын обычно возвращается значительно

позднее, если на данном этапе не имеет подружки, с которой уже с вечера обычно тусуется в своем крыле дома.

Утром мэр просыпается первым в семь часов утра, делает несколько серьезных гимнастических упражнений, чтобы иметь свой организм всегда готовым к возможным адюльтерам, принимает душ, разогревает в микроволновке приготовленную Людмилой еду и на своей «Ауди А-4» добирается за три минуты до мэрии. Идти на работу пешком целых пятнадцать минут он давно разучился. А заставить Михаила с утра потратить время на его доставку к месту работы у Маслякова не было сил. А может быть – совести.

Утром мэр первым делом вызвал в кабинет завотделом культуры. Она, видно, немного опоздав к началу рабочего дня, ворвалась вся вспотевшая и несколько растерянная. Так рано Масляков ее не требовал к себе.

– Ну, что, Ксения Львовна? – начал атаку мэр. – Вы все продумали про конкурс?

– Про какой конкурс? – испугалась Милашкина. Она уже давно передала план работы отдела секретарше Любочке, а в связи с тем, что составляла план Полина Грушина из ее отдела, полностью содержание документа в уме недаленовидной Милашкиной не сохранилось.

– Ладно вам! – приветливо улыбаясь сказал мэр. – Это же замечательная мысль про городской конкурс красоты. Если у нас все получится, премирую весь отдел!

– Ах, это! Вы про конкурс «Краса Забурдаевска!» – вспомнила завотделом. – Если вы позволите, сразу после перерыва на обед я принесу полностью расписанный по пунктам план задуманных мероприятий. Конечно, для Забурдаевска такой конкурс станет первым в истории и у нас нет опыта в его проведении, но не боги горшки обжигают, думаю справимся. В Интернете что-нибудь найдем, в областном отделе культуры позаимствуем...

– Договорились! Ровно в два часа жду вас.

Как только Милашкина вышла, по прямому проводу позвонила Любочка и сообщила, что просится на прием какая-то женщина.

– Разве сегодня приемный день? – машинально посмотрел на календарь мэр. – Тем более, что еще утро... У нее что, назначена эта встреча? Зайди и доложи поточнее...

Любочка сразу ворвалась в кабинет и затараторила:

– Я ее первый раз вижу! Она только подошла, сказала, что работает учителем в первой школе и ей срочно нужно с вами поговорить. Просьба, короче, к вам у нее появилась...

– Что ты так спешишь, – недовольно буркнул мэр, – говори разборчивей! Как ее звать, фамилия?

Глаза у Любочки набухли от слез:

– А раньше, Станислав Петрович, вам очень нравилась моя скороговорка! За нее вы меня и взяли... А теперь вот не нравится! И перестали меня после работы задерживать...

– Ладно тебе, погорячился, – успокоил мэр секретаршу, – задержимся еще, какие наши годы!

– Фамилия учительницы – Файзулина, звать Римма Николаевна, – сообщила обрадованная Любочка, заглянув в блокнот. И добавила:

– Говорит, что вы первую школу перед началом учебного года посетили и там что-то ей наобещали... Молодая, красивая, могли и наобещать!

– Ну, говорю тебе: ладно, хватит! Вот что... не зря же она в мэрию добиралась с другого конца города? Пусть зайдет...

Учительница старших классов Файзулина оказалась действительно приятной на вид брюнеткой, Станислав Петрович даже частично вспомнил, о чем они с ней разговаривали при его проверке хода ремонта школы. Оставалось несколько дней до начала учебного года, Римма Николаевна оставалась за отправленного на операцию в областную больницу директора школы и показывала, какие имелись недочеты при подготовке школы к занятиям. С ними же ходил и управляющий строительным участком бородатый Конюхов. В тот раз мэр строго сказал ему:

– Евгений! Ты меня знаешь! Чтобы к 1-му сентября все закончил!

– Будет сделано, Станислав Петрович! – отчеканил Бородач, как прозвали его в городе, и ушел к рабочим. А мэр какое-то время еще походил по школе, вспоминая давние годы, когда он в ней сам учился и необыкновенно часто проказничал, чем выводил из себя учительский коллектив. Римма Николаевна ходила рядом и что-то говорила еще про школу и про какие-то свои личные проблемы. Этот день был обычным в работе и запомнился мэру лишь необыкновенно красивыми огромными глазами учительницы, одетой в темный рабочий комбинезон.

Сейчас на ней был шикарный кожаный плащик и модные сапожки. Из-под изящной шляпки опускались на плечи густые черные локоны волос. Смуглое лицо выдавало любительницу позагорать на солнышке. Масляков короткое время любовался вошедшей женщиной, кратко ответив на приветствие и пригласив сесть.

– Станислав Петрович! – прервала паузу Файзулина. – Пришла я с просьбой. В августе вы мне пообещали помочь с жильем...

– С жильем?.. – растерялся мэр. Такого обещания он точно не помнил.

– Да. Мы ходили по школе, вы все внимательно рассматривали и слушали меня, а в конце заявили, что все мои пожелания и просьбы вами услышаны и будут полностью выполнены. Если все остальное само собой утряслось, то моя жилищная проблема с мертвой точки не сдвинулась. Хотя я первой стою в очереди на получение квартиры, как приглашенный сюда специалист – преподаватель химии.

– Ну, как же! – счел необходимым расцвести улыбкой мэр. – Римма Николаевна! Помню вашу августовскую просьбу, только сейчас выполнить ее сложно. Но я ищу возможности, уверяю вас! Напомните, где вы сейчас живете и насколько большая у вас семья?

– В гостинице живу, платить, правда, за номер приходится немного, к тому же пока семьей не обзавелась. Понимаю, что строительства никакого сейчас не ведется, но знаю, что есть пустующие квартиры, одну из которых при желании мэрии можно было бы выделить мне. Как раз об этом мы в тот раз и говорили. Станислав Петрович! Вы все можете, вы в нашем городе хозяин. Переселите меня из гостиницы в квартиру, и мы с вами обмоем это мероприятие по первому классу!

– Вы это серьезно? – вспомнив сразу про Марину, поинтересовался Масляков.

– Как вам будет угодно, Станислав Петрович! За три года мне осточертела гостиница и существующие там порядки, и я на все согласна. Поймите, жила бы я одна в своей квартире – давно бы создала семью. Если вам не понравилось то, что я вам перед этим сказала, то посчитайте предложение за шутку...

Масляков немного подумал и решительно сказал:

– В этом кабинете шучу только я, поэтому ваши слова я не забуду. Но у меня есть к вам встречное предложение. Вы – очень видная молодая женщина, и могли бы принять участие в одном из городских мероприятий, я просто настаиваю на этом, как одном из условий скорейшего разрешения вашей личной проблемы.

– Вы меня заинтриговали...

– У нас впервые состоится – совсем скоро – городской конкурс «Краса Забурдаевска». Звучит, может быть, не совсем привлекательно, но не это главное. Не сильно ошибусь, если предскажу вам одно из призовых мест, а, учитывая, что буду в составе жюри, пообещаю первое. Как вы на это смотрите?

– Нормально смотрю, я – без комплексов, не откажусь поучаствовать, к тому же мои ученики с большим восторгом воспримут идею, у меня много любимых учеников, думаю, что моя победа увеличит успеваемость в моем классе и во всей школе. Но название придется изменить, красотой Забурдаевска мне становиться не очень хочется. Скорее мисс города, например. Как вы считаете? И учтите, что мне уже двадцать пять с хвостиком, необходимо в условиях конкурса это учесть.

– Вот и договорились, – встал Масляков. – Надеюсь, что у нас все получится.

Когда посетительница ушла, он пометил обо всем в перекидном календаре, а также взял чистый лист бумаги и подробно записал основные моменты, которые могли бы пригодиться для организации конкурса – к разговору с Милашкиной.

Завотделом культуры не заставила себя ждать, пришла ровно в четырнадцать ноль-ноль. Она вся сияла, чувствовалось, что они в отделе сегодня обошлись без перерыва на обед.

– Вот перечень мероприятий к конкурсу, Станислав Петрович! – заявила Милашкина. – Раз вы так заинтересовались нашей новой задумкой, то давайте вместе пробежимся по пунктам.

– Погодите, Ксения Львовна! Не будем здесь обсасывать каждый пункт, дайте мне ваш перечень и я просмотрю его быстренько сам. Что будет непонятно – я уточню, – мэр забрал лист бумаги у Милашкиной и углубился в изучение пунктов.

Сразу же он поднял голову и уточнил:

– Вы подготовили Положение о конкурсе? Как раз это идет первым пунктом.

– Конечно! Как же без этого? – Милашкина отдала второй лист бумаги, который она принесла.

– Так, посмотрим, – заинтересованно произнес мэр. – Проведение конкурсов ежегодно? Вы слишком сильно замахнулись, Ксения Львовна! Дело затратное, да и нужно посмотреть, как выйдем в этом году, на следующий год и Положение другое придумаем... Так, по участницам мне непонятно. Почему конкурс рассчитан на участие девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет? Где вы столько найдете в нашем мелком городишке подходящих девушек?

– Поместим объявление в районной газете, – стала перечислять Милашкина, – по предприятиям походим, строителей у нас много...

– Ну, конечно! Маляров со штукатурами на конкурс наберем? Не пойдет, расширим возрастные рамки, например, до двадцати шести лет.

– Двадцать шесть лет? – ужаснулась Милашкина. – Да после двадцати трех почти все замуж выходят!

– Не скажите! – твердо сказал Масляков. – Зато вы и среди молоденьких учителей посмотрите...

– Давайте остановимся на двадцати пяти? – неуверенно попыталась сопротивляться завотделом, но мэр уже перечеркнул старую цифру, вписав свою.

– Дальше все понятно, – продолжил он, – хотя состав конкурсной комиссии вызывает сомнение. Почему это председателем вы себя назначили?

– А кого же? Это компетенция нашего отдела...

– Вы же хотите, чтобы конкурс прогремел по области?

– Конечно!

– Тогда вписываем сюда первых лиц города, а также представителя из отдела культуры области. А председатель может быть только один – мэр! Да и название конкурсу другое дадим. Что за «Краса Забурдаевска»? Сделаем, как на Западе: «Мисс города»!

– Как скажете... – пробормотала Милашкина, на что Масляков внимания не обратил, вновь занявшись перечнем организационных вопросов.

– Первый приз у вас в Положении не обозначен, это правильно. О нем решим отдельно на заседании мэрии, приз должен быть достаточно солидным. Дальше все по мелочи, пропускаем. Что еще дополнительно надумаете – сразу ко мне. Ход процесса сам буду контролировать.

Масляков сдержал свое слово и ежедневно с утра начинал работу с проверки хода подготовительных работ по конкурсу красоты. Он же договорился с областным отделом культуры об участии их представителя в судейской коллегии. Даже дату проведения конкурса утвердил мэр. И заставил Милашкину заранее написать о конкурсе в районной газете и организовать цветные афиши по всему городу. Для определения призов собрали отдельное заседание мэрии, на котором Масляков предложил победительнице выделить трехкомнатную квартиру.

– А если у нее квартира уже имеется, и она не нуждается в улучшении жилищных условий? – уточнила Ксения Львовна.

– Продаст и получит деньги! – отрезал мэр, перед мысленным взором которого сразу возникла Римма Николаевна со своим волнующим предложением.

Он нашел время позвонить в первую школу – директор еще не вышел на работу после операции, и Файзулина по-прежнему исполняла его обязанности:

– Римма Николаевна? Здравствуйте! Узнали?

– Конечно, Станислав Петрович! Ваш голос я ни с чьим не спутаю! Добрый день! Слушаю вас.

– Дело идет в нужном нам направлении, вы, надеюсь, следите за событиями?

– Разумеется, слежу! Я не ожидала такого бурного развития и такой рекламы. Даже стала побаиваться, потяну ли на сцене среди местных красоток? Думаю, многие здесь будут настроены против меня, я же все-таки приезжая. Иногда меня это настолько тревожит, что я согласна выполнить свое обещание, не принимая участия в конкурсе. Как вы на такой вариант смотрите?

– Римма Николаевна! – решительно отмел эти сомнения мэр. – У нас с вами был уговор, мы должны добиться получения вами отдельной квартиры! И я все сделаю для достижения поставленной цели.

– Вы отказываетесь провести со мной вечер? – слегка удивилась Файзулина.

– Если бы! Против такой женщины устоять невозможно, но хочу, чтобы все было по уговору. Иначе я потеряю к себе уважение...

– Даже при моем желании добровольно от всего остального отказаться? Может, у вас какие-то проблемы?

– Не волнуйтесь, у меня проблем нет.

– Но все-таки странно, я приготовилась к встрече, можно сказать, что только и думаю о ней, а мой избранный мужчина не спешит... – в голосе Риммы Николаевны чувствовалось какое-то сомнение. – Скажите откровенно: я вам нравлюсь?

– Еще как! – быстро ответил мэр. – Давайте отложим разговор. Я вам обязательно позвоню на днях, а сейчас у меня на проводе – губернатор, простите...

Трудно описать то восхищение фигуркой учителя и ее лицом, когда она пришла к Маслякову на прием. Он с тех пор только дважды позвонил в Новоклюевск, ни разу не пожелав договориться с Мариной о встрече. Все проблемы мэрии как-то обходили сейчас его стороной, все решалось в соответствии с планами, графиками, у него на первом месте стоял только один вопрос, который необходимо было обязательно решить положительно: прославить город хорошей организацией конкурса красоты, вывести в нем на первое место неожиданно появившегося в его жизни хорошего человека, и только потом решать другие дела, в том числе и амурные.

Назначенный для конкурса день постепенно приближался. За неделю до него Милашкина принесла мэру список кандидатов на участие. Он с удовлетворением нашел в нем знакомую фамилию и задал единственный вопрос:

– Ксения Львовна! Как вы считаете, мы все продумали, ошибок не будет?

– Какие ошибки, Станислав Петрович? – удивилась Милашкина. – Вы лично столько сил приложили, у нас давно мэр не забрасывал все проблемы города из-за какого-то конкурса!

– Да ладно вам! Идите...

Посидев с пяток минут без движения, Масляков позвонил в дирекцию первой школы. Никто не ответил. Тогда он позвонил в учительскую.

– Школа слушает! – проговорил скороговоркой девичий голос.

– Из мэрии интересуются, – подбирая слова, медленно сказал Масляков, – директор на работу вышел? Или еще болеет?

– Еще болеет, – сообщил тот же голос, – а Римма Николаевна сейчас занята подготовкой к конкурсу. Вы про конкурс красоты, наверное, знаете?

– Да, конечно... – проговорил мэр и положил трубку. Он пожалел, что не узнал у Файзулиной номер ее мобильного телефона, а спрашивать в учительской он не стал.

Во второй половине дня по мобильнику позвонила Марина:

– Мой котик меня совсем забросил! – не поздоровавшись, сказала она. – Я начинаю его ревновать к Забурдаевску. Президент женат на стране, мой же Стасик – на Забурдаевске... И какой дурак придумал такое неприличное название городу?

– Привет! Марина, не хочу оправдываться, но здесь навалилось столько срочных дел, что ни отъехать, ни даже позвонить времени нет. Надеюсь, что у тебя все в порядке?

– Наверное, если считать в порядке женщину, соскучившуюся по мужской ласке! Ты сегодня вырваться не сможешь, хотя бы на час?

Мэр Забурдаевска был человеком достаточно скрытным, о его похождениях после наступившего кризиса среднего возраста никто не знал. В последнее время только Марина скрашивала его мужское одиночество, Любочка со своими претензиями осталась в прошлом, однажды она даже обиделась, когда Масляков ей прямо заявил:

– Любовь моя – Любушка! Мы с твоим мужем на рыбалке так сдружились, что не хочется ему больше рога наставлять! Хороший парень, бизнес у него доходный, держись за него покрепче, а про посторонних мужиков забудь! Ну, было у нас несколько моментов радости, есть, о чем вспомнить, но пора поставить точку. И так, наверное, вся мэрия жужжит об этом!

И когда секретарша расплакалась прямо в кабинете, он добавил:

– Люба! Перестань, я же тебя не выгоняю с работы, ты здесь – ценный человек, без тебя мне никак не обойтись!

Все это быстро промелькнуло в сознании мэра, а затем он согласился с Мариной:

– Уговорила! Где-то через часок найду предлог и поеду к тебе, жди!

Уже на середине трассы между Забурдаевском и Неклюевском Станислав Петрович съехал на обочину и остановил свой черный «Форд-фокус».

«Ну, что вот я делаю? – подумал он. – Мысли мои давно другой заняты!»

Через десять минут раздумий и сомнений Масляков набрал номер телефона Марины:

– Милая! У меня в дороге проблема возникла, стою как раз у поворота на Куркино. Пока еще на улице светло и я сам разбираюсь, почему полчаса назад двигатель заглох. Не получится – вызову Михаила.

– Да брось ты машину там, – взволнованный голос Марины показывал ее нетерпение, – кто ее возьмет? На сигнализацию поставишь, а я за тобой сейчас примчусь!

– Нет, времени слишком много упущено, да и домой тебе же придется меня везти, а затем ночью возвращаться обратно. Это – не дело! И доберусь я в Забурдаевск не раньше двух часов ночи. И кроме неприятностей дома меня ожидает слишком короткий сон... – и мэр сокрушенно заключил:

– Не получилось сегодня, все в жизни бывает. Целую, милая!

Не ответив, Марина прервала связь.

По дороге домой Масляков чувствовал, какая гора с плеч свалилась. «Скорее всего, это и к лучшему!» – подумал он.

На утро мэр решил еще раз внимательно изучить продолжающиеся работы по подготовке конкурса городских красавиц. Он собрал у себя в кабинете всех работников отдела культуры вместе с Милашкиной и попросил доложить по каждому намеченному мероприятию отдельно: насколько оно подготовлено, какие возникают проблемы и что мешает в продвижении работ. Старался слушать он внимательно, но в голове была мешанина из личных переживаний, связанных со вчерашним неудачным свиданием с Мариной, достаточно большой перерыв после последней встречи с Файзулиной и домашние неурядицы с женой и сыном Николашей. Но главное при обсуждении проблем, возникших по конкурсу, Масляков уловил. Оказалось, что состав участниц кардинально изменился.

– Что такое? – наострил он уши. – Почему это могло произойти? Ведь отобранные вами же девушки были заранее оповещены и наверняка готовятся к конкурсу. Покажите список!

Проглядев исправленный список участниц, мэр не нашел в нем Ирины Николаевны и сильно рассердился. Мало того, что поменялись фамилии, так еще и количество участниц неожиданно выросло почти в два раза.

– Так дела не делаются! – заявил мэр. – Кто вот такая Лариса Минина? Я такой не помню! Правда, фамилия какая-то знакомая...

Милашкина побледнела и пояснила:

– Дочка генерального директора нашего градообразующего завода металлопроката. Он меня попросил...

– Эта такая прыщавая низкорослая девочка, которой Минин еле упросил выдать аттестат зрелости? Да мы с ней опозоримся на всю область! Я ее вычеркиваю... Так, а что это за Крошкина Мила?

Милашкина побледнела еще больше:

– Моя дочка, Станислав Петрович! Неудачно вышла замуж и вернулась ко мне из Самары. Разведена, детей нет!

– И вы решили ее пристроить на конкурс? Помню я вашу дочь и не вижу у нее никаких шансов. Вычеркиваем! Ксения Львовна! А где тот список, который вы мне сразу показали?

Милашкина порылась в бумагах и протянула листок мэру. Он пробежал его глазами и кивнул головой:

– Да! Память у меня фотографическая. Это то, что нужно, утверждаем только этот состав. Здесь указано, кто и где работает, и нет ни одной подозрительной фамилии. А в новом списке я вижу несколько знакомых. Похоже, все семьи городских чиновников на конкурс своих родственников выдвинули! Думаю, у них и возраст указан надуманный. Нужно тогда и мою супругу сюда же... – произнес он задумчиво. После этой фразы произошло некоторое замешательство среди участников совещания.

– Так хотите мою Людмилу? – спросив Масляков, обводя всех присутствующих веселыми глазами. Никто не возразил, но и радости в работниках отдела культуры он не заметил.

После совещания он задержал Милашкину и уточнил:

– Вы успели предупредить тех, кого задумали снять с конкурса?

– Станислав Петрович! Список только сменился, я поручила своим оповестить их завтра.

– Слава богу! Оповестите тех, кого сунули без моего согласования!

Уже после обеденного перерыва Маслякова стали донимать просьбами оставить в списке конкурсанток случайных лиц – дочерей и других родственников сильных мира сего, а точнее – города Забурдаевска. Уже после второй просьбы, когда ходатайствующий завуалированно предложил приличную взятку, Масляков вызвал Любочку и попросил уточнять, по какому вопросу спрашивают мэра, и если это будет касаться конкурса красоты, то всех уведомлять, что состав давно уже им утвержден и меняться будет только в самом крайнем случае.

– В каком, например? Если спросят... – уточнила Любочка.

– Не спросят! – отчеканил Масляков. – Если хоть с одной участницей что-то случится, то отменим конкурс к чертовой матери!

Вот и наступил долгожданный субботний день. Счастливицы, получившие пригласительные билеты на лицезрение конкурса «Мисс города», за полчаса и даже за час занимали свои места в большом зале местного Дома Культуры и творчества. Губернатор прислал одного из своих заместителей – Миронова Игоря Илларионовича – вместе с учрежденным специально для Забурдаевска призом «Самой обаятельной участнице», которую он же и определит. Масляков лично встретил посланца губернатора около культурного очага города:

– Не ожидал, Игорь, что ты подъедешь! – помогая вытащить тушу вновь прибывшего из областного «Мерседеса», обрадованно сказал он. – Или губернатор догадался, что мы друзья?

– Как же, как же! – весело ответил Миронов, оглядывая довольно многолюдное пространство и кучу разных легковушек на асфальтовом пяточке перед Домом культуры. – Ты же любимец у Григория Трофимовича, мелкую сошку он сюда не пошлет! К тому же ты такое мероприятие задумал, что впору пример большим городам показывать.

– Слушай, время еще есть, и мы можем пропустить по рюмашке, – предложил мэр, зная слабость друга. – Здесь очень хороший кабинет у директора. Ты как?

– Кто бы возражал?

– Тогда поднимемся на второй этаж. Кстати, я просил номер тебе получше выбрать из гостевых в нашем Забурдаевском отеле. Или у меня остановишься?

– А вот этого не нужно! – сразу отказался гость. – По окончании конкурса сразу поеду домой, завтра у меня мероприятие...

– Ясно! Даю отбой, – сказал мэр, но никого предупреждать не стал, мало ли как обернется.

Они поднялись по оригинальной круглой лестнице в кабинет, ключ от двери которого находился у Маслякова и расположились за столиком рядом с миниатюрным баром. Стена против бара вся была увешана портретами членов Брежневского Политбюро.

– Оригинально! – показал пальцем Миронов.

Выпив по рюмке коньяка, они продолжили разговор на вольные темы.

– Как здоровье у Трофимыча? – поинтересовался мэр, сгоняя со стола липучую надоедливую муху.

– Все пучком! Ты же его знаешь: ежедневные утренние пробежки вокруг загородного дома, три раза в неделю парилка с употреблением эликсиров молодости, ну и остальное...

– А у тебя как? Кажется, ты вновь лишку с пяток килограммов набрал?

– Есть такое, разве скроешь? Вот завтра оттянусь на осенней увядающей природе, еду с милашкой на два дня в «Приют охотника».

– Это с кареглазой что ли? – поинтересовался мэр, он знал всех друзей Миронова.

– Стас! Кареглазую жена вычислила, с ней покончено. С новенькой... Имя у нее – Мишель. Как тебе это?

– Звучит! – кивнул головой Масляков и опять вспомнил Ирину Николаевну, которую должен был сегодня вытащить в победительницы конкурса. – Так что, пойдём? Они без нас не начнут.

– Давай еще по стопочке? – попросил добавки представитель губернатора.

Масляков налил ему без разговоров, но сам пить не стал, он не относился к любителям большого количества алкоголя и принимал его только при крайней необходимости.

Когда мэр с Мироновым зашли в зал, он был уже почти полон, лишь отдельные горожане спешили занять оставшиеся свободными места. Масляков потянул гостя в первый ряд

на специально помеченные для судей широкие кресла. Заметив его, Милашкина, находившаяся в этом же ряду, махнула кому-то рукой в сторону сцены. И началось шоу...

Ведущий – уже седой Митяй Ерошкин, один из старейшин городского народного театра в своем постоянном нарядном костюме, с которым он не расстается уже лет двадцать, коротко рассказал о целях конкурса, призах для победительниц и представил судей, затем пригласил на сцену участниц. В первый момент Масляков даже испугался, все пятнадцать девушек были очаровательны. В такой ситуации выдержать конкуренцию Ирине будет сложно, но, найдя ее глазами, мэр сразу успокоился и шепнул гостю, настраивая его на свою сторону:

– Смотри, Игорь, какая славенькая на левом фланге! Интересно, кто это? И фигурка, и овал лица... Прелесть!

– Действительно, хороша, – согласился Миронов, он был дока в таких вопросах, – после конкурса познакомишь меня с ней! С такой приятно пообщаться, можно даже задержаться у вас, моя Мишель подождет! Хороший, говоришь, номер подготовили для меня в гостинице?

– Это ты брось! – тихо, но твердо, бледнея на глазах, заявил Масляков. – Блядства с конкурсанткой я не допущу, извини...

Участницы прошли по сцене и скрылись для подготовки к первому туру конкурса. Затем каждая рассказывала о себе: чем занимается, какие увлечения, хобби. Пока все девушки представлялись, Миронов с Масляковым обговорили целый ряд вопросов для подготовки следующего визита к губернатору. Мэр хотел добиться увеличения выделяемых городу средств для ремонта дорог и нескольких многоэтажных домов на главной улице Забурдаевска, недавно переименованной в проспект Ленина. Последней из девушек выступала Файзулина. Миронов незаметно для других подтолкнул мера:

– Смотри, твоя выступает! А правда – красавица...

– Почему моя? – перепугался Масляков.

– Да знаю я тебя, кобеля! – успокаивающе сказал гость. – Сразу почувствовал, что твоя протезе, ты, видно, давно глаз на нее положил.

– Да ничего я на нее не клал, – стал оправдываться Станислав Петрович, опасливо оглядываясь в надежде, что их никто не слышит. – С чего ты такое взял?

– Замнем для ясности! – отрезал представитель губернатора и углубился в созерцание происходящего на сцене.

Продолжающий озираться Масляков не так далеко от себя – рядов через восемь – заметил в полутемном зале какое-то знакомое лицо и вздрогнул: это была Марина! «Все-таки приехала...» – подумал он, успев сделать независимый вид.

Следующий конкурс был разминочный, участницы отвечали на заковыристые вопросы Ерошкина. Больше всего аплодисментов досталось Ирине, ее ответы были четкими и достаточно ироничными, чем смутили ведущего, который старался каждую участницу достать глубиной своих знаний, смутить добавочными вопросами, заставить ошибаться.

В творческом конкурсе девушки чаще пытались показать свои вокальные способности, видимо, сказало влияние проходящего в стране шоу «Голос». Двое, правда, прочитали собственные стихи, качество которых очень сильно оставляло желать лучшего. Файзулина выступала здесь предпоследней, она решила спеть народную песню и получилось это у нее очень даже здорово!

– Ну ты, старик, и даешь! – опять возник Миронов. – Певунью отхватил...

– Игорь, перестань, у меня ведь есть жена и сын. Не до певиц мне!

Миронов не ответил, продолжая пожирать глазами уходившую со сцены Ирину. Непроизвольно мэр оглянулся на Марину, она быстро показала ему палец большой руки, как бы что-то одобряя. «Странно, о чем это она?» – подумал Масляков и отвернулся к сцене.

После демонстрации в последнем конкурсе своих тел, облаченных в разнообразные купальники, участницы удалились в комнату отдыха ожидать результатов оценки судей. Местная музыкальная группа исполнила несколько песен, пока собравшиеся у главного судейского стола спорили о недостатках и достоинствах выступивших девушек. Миронов в этой группе отличался крупной фигурой и авторитетным голосом. После всех высказываний он объявил свою точку зрения:

– Все участницы были бесподобны, хотя мне больше понравилась вот эта брюнеточка Ирина, – он посмотрел в свои записи, – точно: Ирина Файзулина. Но окончательное решение должен принять ваш мэр, как председатель судейского коллектива. Так я говорю, Станислав Петрович?

– Да, так и решим, – заключил заседание судей Масляков. – Первое место – у Файзулиной, второе – у Коневой, третье отдаем Николаевой. Надеюсь, что других мнений нет?

Судьи вновь заняли свои места и Милашкина послала Ерошкина на сцену. Участницы выстроились в ровную линию перед зрителями и судьями. Масляков встал и объявил итоговое решение жюри. Файзулиной вышедшая из глубины сцены девушка одела маленькую корону победительницы. По лицам девушек было видно, кто сильно разочарован, кто – не очень, а кто был на вершине счастья. Затем ведущий сообщил, что у представителя областной администрации есть свой приз, после чего к девушкам поднялся Миронов с папкой и, похвалив организаторов конкурса, вручил Николаевой приз «Самой обаятельной участнице» – туристическую путевку в Геленджик, после чего расцеловал в щечки всех трех победительниц.

Объявив конец шоу, Ерошкин пожелал здоровья и личного счастья всем присутствующим в зале. Все стали покидать свои места и расходиться. Масляков вместе с Мироновым за зрителями вышли в фойе и сразу к ним подошла Марина. Она выглядела очень привлекательно и сразу обратилась к мэру:

– Добрый вечер, Станислав Петрович! Извините меня за назойливость, но сегодня я выполняю поручение мэра соседнего города Неклюевска. Он передавал вам большой привет и просил меня оценить ваше сегодняшнее мероприятие на предмет повторения такого же у нас.

– Большое спасибо! – вынужден был ответить Масляков и посмотрел на Миронова, подумав, что неплохо бы сделать паузу, представив его Марине поближе. Только как это правильно сделать? По идее, мэр Забурдаевска Марину знать не должен был. Он сразу обнаружил, что вид у Игоря сильно изменился, он просто обалдел от подошедшей к ним женщины, глаза его сверкали, как у льва, заметившего возможную добычу. Тогда Масляков продолжил:

– Я тоже передаю привет вашему мэру Ивану Ивановичу и хочу познакомить вас с заместителем губернатора Игорем Илларионовичем Мироновым.

– А меня звать Мариной, работаю я в мэрии нашего города – объявила гостя из Неклюевска, – и мне очень приятно видеть здесь представителя администрации области.

– А уж мне-то как приятно! – воскликнул Миронов и, воспользовавшись тем, что фойе уже опустело, он галантно поцеловал руку даме. – Может быть, мы пройдем в кабинет директора этого уютного Дома культуры и отметим знакомство? – с этими словами он повернулся к Маслякову.

– Так вы планировали после конкурса уехать на мероприятие, Игорь Илларионович! – напомнил другу Масляков. – И водитель вас ждет на выходе...

– Какое мероприятие, когда рядом такая женщина? – воскликнул Миронов.

– Игорь Илларионович! – предложила другой вариант Марина. – Скорее всего у Станислава Петровича сегодня другие планы. Но я с удовольствием выпью с вами лично по бокалу шампанского.

Здесь Марина мстительно посмотрела в глаза Маслякову.

– Замечательно! – воскликнул Миронов. – Принимается! Сейчас доберемся до ресторана и все организуем. Станислав Петрович! А не можем ли мы это сделать в том самом заброни-

рованном для меня номере? Ресторан, помню, у вас в городе расположен рядом с гостиницей, которую вы гордо обозвали отелем.

– Нет, так не пойдет! – воспротивилась Марина. – Я же – за рулем, мне в Неклюевск еще ехать. Приглашаю вас, Игорь Илларионович, ко мне в гости. Сейчас же и поедем, а своего водителя оставьте в том самом бронированном номере. Завтра я вас обязательно верну обратно. Как можно такого мужчину оставить на ночь без женского внимания?!

Миронов даже глаза округлил от удивления.

– Да кто бы против был? – пробормотал он, не веря в сбывающиеся мечты и забыв про свою Мишель.

За окнами фойе было темно, лишь редкие фонари на столбах против Дома культуры позволяли увидеть мелкий противный осенний дождь, начавшийся во время конкурса. Дежурные работницы стеснялись попросить мэра с гостями убираться поскорее, чтобы приступить к уборке и к закрытию помещений.

– Что ж, воля ваша, – сделал еще одну попытку Масляков. – Если вы имеете возможность опоздать на встречу...

Здесь Марина, видя, что Миронов немного отошел к окну посмотреть на капризы погоды, решительно подошла к Маслякову и сказала:

– Поздравляю с победой твоей пассии, хороший выбор! А мне, прошу тебя, не мешай! Дай шанс изголодавшейся женщине! Не на панель же мне идти, в самом деле...

– С чего ты взяла, какая еще пассия? – несказанно удивился Масляков.

– Да видела, как ты на нее смотрел, на эту жалкую учительницу!

От окна вернулся Миронов и спросил:

– Я что-то пропустил?

– Нет, – ответила Марина. – Станислав Петрович просто посоветовал мне не слишком гнать в такой дождь. Но до Неклюевска недалеко, на моей машине проблем не будет. Нас ждут, наверное, нам пора трогать...

Следующий день был воскресным, и Масляков не знал, что ему предпринять. Надо было найти способ связаться с Файзулиной, но не искать же мэру города кого-то в гостинице... Выйдя из дома в свой гараж, он по мобильному телефону позвонил Игорю Миронову. Ответили не сразу, Маслякову пришлось звонить трижды. Наконец ответил женский голос:

– Кто беспокоит Игоря Илларионовича в такую рань?

Масляков узнал голос Марины и сбросил вызов. Потом он вспомнил, что водитель Миронова должен был остаться в гостинице. Недолго думая, мэр вывел «Форд» и поехал в центр города. Поднявшись по ступенькам к главному входу, он прошел в коридор и затем к столику с дежурным администратором. Женщина наливала из термоса чай в стакан и не обращала внимание на вошедшего.

– Извините, здесь в гостевом номере должен быть заместитель губернатора Миронов, – придав голосу нетерпение, сказал Масляков. – Проводите меня к нему!

– А кто ты такой будешь, мил человек? – нацепив очки с толстыми стеклами, спросила женщина.

– Я буду мэр! – весомо отрезал Масляков.

– Странная фамилия... – пробормотала она, вынимая из пакета бутерброд.

Такое поведение работника единственной гостиницы города расстроило мэра и он взял со стола толстый журнал с выведенной маркером надписью «Регистрация», быстро развернул его и начал читать последние записи. Администратор, принявшись пить чай с бутербродом, через очки с любопытством смотрела на Маслякова. Потом сказала, потянувшись к телефону:

– Пожалуй, я наряд полиции вызову.

Мэр ничего не ответил, продолжая просмотр. Но фамилию водителя он не знал, а Миронова среди заселившихся накануне в гостиницу не просматривалось. Тогда Масляков оставил журнал в покое и, повысив голос, спросил у закончившей разговор по телефону любительнице горячего чая:

– Почему вы не хотите меня выслушать?

– Так сейчас тебя, милоч, наряд и выслушает! – очень спокойно и рассудительно ответила администратор. – Полиция у нас под боком, ждать долго не придется... Мэр ты или не мэр – она быстро выяснит!

Рассеянно посмотрев на стол с журналом, женщина перевела взгляд на раскрытую местную газету с какой-то фотографией, вздрогнула и этак задумчиво спросила:

– Ваша фамилия случайно не Масляков?

Усевшийся на диван ждать наряд полиции, мэр сразу признался:

– Точно, это моя фамилия. Документ показать?

Администратор отодвинула стакан с бутербродом, встала из-за стола и направилась к двери, бросив на ходу:

– Пойдемте!

Пожав плечами в недоумении, Масляков проследовал следом. Он давно не был в городской гостинице, а то бы и без администратора сориентировался. Они поднялись на второй этаж и, показав рукой в конец коридора, женщина довольно вежливо произнесла:

– Номер пять. Может, это и заместитель губернатора, но по его поведению – не похоже. Вчера в бронированный номер поселили именно его, Виктора Калашникова, – после чего она повернулась и ушла вниз, видимо, встречать наряд.

Мэр нашел дверь с блестящей металлической пятеркой посередине и нажал кнопку звонка. Почти сразу ему открыли. В коридоре двухкомнатной, отделанной под евроремонт квартиры стоял молодой кучерявый парень. На двери раскрытой ванной комнаты сиротливо висели влажные женские трусики.

– Калашников? – уточнил Масляков.

– Ну! – кратко ответил парень.

– Я мэр города. Где можно увидеть Игоря Илларионовича?

Кучерявый не оробел, наверное, с мэрами городов он встречался не раз, поэтому сразу отошел в сторону:

– Проходите... Ларионьч мне не доложил, куда вчера направился. Его какая-то баба в неизвестном направлении увезла на черном ровере. Вчера вечером мы двумя машинами добрались сюда от Дома культуры, шеф меня пристроил на ночь, а его баба еще что-то здесь помытарилась, искала кого-то, а затем забрала моего ненаглядного и укатила в дождь. Он обещал сегодня прибыть, но пока не звонил. Мобильный его дать?

– Да у меня есть, но он не отвечает.

Маслякову Миронов сейчас был неинтересен, но как найти Файзулину в пятиэтажном доме, который приспособили когда-то под гостиницу, и не потерять при этом лицо, он не знал.

– Больше ничем не могу помочь, – виновато сказал парень и нагло перевел взгляд с Маслякова на дверь. Тому ничего не оставалось, как удалиться. Проходя мимо двери дежурного администратора, Масляков услышал несколько шумных голосов, наверное, полицейские обиделись, что их напрасно вызвали.

На следующее утро мэр прибыл на работу раньше всех. Крутиков отпер ему огромную входную дверь и вежливо поздоровался:

– Приветствую, Станислав Петрович! Что-то ты сегодня раненько, случилось что?

– Нет, Алексеич, просто не спалось и решил бумаги накопившиеся просмотреть...

– Тебе не позавидуешь, Петрович! Здесь столько бумажной работы – с ума сойти можно... Архив завален ими! Ты постоянно из-за них поздно уходишь, а теперь и приходиться начал рано!

Из кабинета Масляков позвонил Миронову по мобильнику. Заспанный голос Игоря на этот раз ответил:

– Ты что-то рано, Петрович! Я еще глаза как следует не продрал...

– Так я ж беспокоюсь о тебе, Игорь! Пропал у меня на глазах, на звонки не отвечаешь. Надеюсь, что все в порядке у тебя, выходной не зря прошел?

– Не зря... – усталым голосом ответил заместитель губернатора. – Никогда не думал, что бывают такие активные женщины. Она меня просто изнасиловала, но не обращаться же в прокуратуру? И Мишель на меня теперь обиделась...

– Оттаает твоя Мишель, не волнуйся! Не последний человек в области – Миронов, куда ей деваться?

– Здесь ты, пожалуй, прав! Круглова-то меня обратно в Забурдаевск привезла только к вечеру, Виктор – водитель мой – задался, хотел ехать на вырубку. Я же ответить ему не мог, мобильник был арестован! Толи в шутку, толи всерьез, но хозяйка заладила одно: «Такой мужчина мне попался впервые!». И на обратной дороге это же повторила, а потом добавила: «Так ему и передайте!». Кому ему, ума не приложу!

– Не расстраивайся, дорогой! – Масляков-то понял, кому слова Марины предназначались, он их принял спокойно. – Прошло ведь, чего переживать?

– Если бы! Как ее вспомню, так сразу мозгу придумать командировку в Новоклюевск... Обещала принять в любой день и даже ночью.

– В командировку Трофимыч тебя, конечно, отпустит, придумаешь какую-нибудь проверку...

– Знаешь, я все-таки никак не успокоюсь после этих сумасшедших суток! Сначала приехали в вашу гостиницу, я стал водителя устраивать, а Марина кого-то из знакомых искать на верхнем этаже. Затем она схватила меня в номере за руку и потащила в машину. Зверь, а не баба!

После того, как Масляков убедился, что с Игорем все в порядке, пришло время позвонить в первую школу. В кабинете директора ответил знакомый мужской голос.

– Добрый день, Сергей Ефимович! – обрадовался мэр. – Масляков тебя беспокоит. Выздоровел, значит?

– Здравствуй, Станислав Петрович! Как не выздороветь, когда сам мэр приветы мне передавал целых два месяца? Все у меня нормально, зажило, как у собаки! Есть в городе что-то новенькое, что я еще не знаю?

– Особенных новостей нет. А про конкурс, что позавчера твоя представительница выиграла, ты наверняка знаешь.

– Ты про Ирину Файзулину? Да, молодчина девчонка! Жаль, что теперь с нами ее нет...

– А что с ней произошло? – испугался Масляков.

– Только что умчалась на вокзал, поехала на родину. Даже не знаю, что за муха ее укусила. Бросила заявление мне на стол, поблагодарила за чуткое к ней отношение, поцеловала в щеку старика на прощание. Уволилась, короче!

– Как уволилась? – закричал в отчаянии мэр. – Она же квартиру выиграла на конкурсе!

– Сказала, что ничего ей теперь не нужно, захотелось к отцу с матерью под Самару. Теперь мне опять учителя химии искать придется...

– Она на вокзал-то какой собралась? Железнодорожный?

– Да теперь какая разница? Не бежать же за ней упрашивать! Человек взрослый, самостоятельный...

– Дела-а... – протянул Масляков. – Ну, крепись Ефимыч, как-нибудь перебедемся!

Закончив разговор и не теряя времени, он вылетел пулей из кабинета, напугав Любочку, на улице забрался в свой «Форд» и рванул в сторону вокзала, внутри которого очутился ровно через пять минут. Оглядев находящиеся в зале ожидания пассажиров, Масляков в дальнем углу заметил знакомый силуэт человека, которого чуть не потерял. Расписание поездов в сторону Москвы мэр знал с давних лет, оно практически не менялось за последние годы. Поэтому он, не торопясь, собираясь с мыслями, прошел между рядами вокзальных лавок и сел рядом с задумавшейся Файзулиной. Она вздрогнула от неожиданности и молча посмотрела на Маслякова, глаза у нее были почему-то покрасневшие.

– Здравствуй, беглянка! – тихо сказал мэр. Он не знал, что еще сказать, какие подобрать слова. Ему очень хотелось узнать причину поведения сидевшей рядом девушки. – Рассказывай!

Ирина Николаевна ладонями закрыла лицо и продолжала молчать. Рядом с ней находились две полные дорожные сумки. Пассажиров в этом крыле вокзала почти не было.

– Учти, – предупредил мэр, – пока все не расскажешь, я не уйду. До поезда еще час, так и просидим его молча. А потом в вагоне молчать у меня на глазах будешь...

– Оставьте меня, это я во всем виновата, – ослабевшим, незнакомым голосом сказала Ирина Николаевна, уставившись в какую-то точку впереди себя.

– Виновата в чем?

– Виновата в том, что придумала себе историю про необыкновенную любовь! Хорошо, люди правду раскрыли. Я понимаю, что у вас большая жизнь позади, и не имею права ревновать... Так нескладно все вышло!

До сознания Маслякова стала доходить ее боль, он и сам не ожидал, что эта девочка, которая намного моложе его сына, настолько займет его мысли. Одного он не желал наверняка – обидеть ее своими действиями. И постоянно хотелось ее видеть, согласен был хотя бы иногда встречать. Нет, он не даст ей уехать!

– Так это тебя искала в гостинице Круглова? – догадался Масляков.

– Не знаю, как этой женщине удалось меня найти, да и зачем? У меня такое было настроение после конкурса, а она все испортила, перечеркнула всю жизнь...

– И что она сказала?

– А что может сказать любовница своей сопернице? Столько грязи налила на меня... – у Файзулиной появились слезы. – Меня еще так никто не обзывал! Она обещала раскрыть всю правду про наши с вами отношения. А их не было, отношений-то! Я не спала всю ночь, не зная, как поступить, и поняла, что есть единственный путь не навредить любимому человеку...

Теперь уже Масляков не знал, как поступить. Рассказать, что дома у него давно не все в порядке, и Марина была всего лишь временной отдушиной? Такое девчонка не поймет или не поверит.

– Я же стар для тебя, – вздохнув, сказал он первое, что пришло в голову. – Каюсь, что первый раз, еще в школе, когда ты была в спецовке, не разглядел в тебе ничего, кроме прекрасных глаз. А уже после встрече в мэрии только и думал о тебе, не зная, что предпринять. Но уехать я тебе не позволю! К тому же у нас в одной из школ освободилась вакансия учителя химии, – добавил он с горькой усмешкой.

Глаза у Ирины Николаевны просохли, она помолчала немного, затем неуверенно спросила:

– Так вы, Станислав Петрович, могли бы меня полюбить?

– Уже полюбил... – посмотрел ей в глаза Масляков.

– И уехать со мной сможете?

– Под Самару? – с иронией спросил мэр. – Слушай, Ирина, ты достаточно взрослый человек, чтобы понять очевидные вещи. Обещаю, что буду любить только тебя, любить, как друга, но ломать тебе жизнь не собираюсь! Мы с тобой будем дружить, созваниваться, переписываться по электронной почте, найду повод для встреч и разговоров про жизнь. Пока

не надоем тебе... А Круглова никому ничего не скажет. Я в этом абсолютно уверен, это самка, она на любовь не способна. Не способна и нас с тобой понять. Думаю, что и узнала о тебе случайно, секретарь мой услугу мне медвежью оказала...

Масляков посмотрел на часы и спросил притихшую Ирину:

– Договорились? Возвращаемся в гостиницу? Можешь верить, можешь не верить, а я ведь без тебя теперь жить не смогу...

И здесь он увидел первую за этот день замечательную улыбку Ирины Николаевны, которая позволила ей стать победителем первого в Забурдаевске конкурса красоты.

Ходоки

Был прекрасный теплый вечер, поэтому за столом во дворе среди вновь построенных многоэтажек собрались трое приличного возраста мужчин. Они в очередной раз обмывали новоселье, причем кроме водки ничего не пили. Беседа текла неторопливо, как полноводная река, они обсудили последние приобретения для своих квартир, соседей с других домов, их жен, а также маленькую псину, вертевшуюся под ногами и выпрашивающую какую-нибудь еду. Псина была безродная, пестро-серая, как деревенская курица, никто не знал, откуда она сюда забрела и сколько времени собирается здесь околачиваться. Но собеседники уже достаточно поднабрались, чтобы испытывать какую-то неприязнь к постороннему существу, просто не обращали на него внимания, к тому же на столе еще оставалось, чем побаловать собачку.

– Да! Жизнь прошла не зря! – мечтательно проговорил Дмитрий Булыкин, потянувшись. Он первым поселился на втором этаже дома №15 по Молодежной улице. – Мы с женой уж думали, что так и помрем в своей пятидесятилетней «хрущевке». Ан нет! После тещи с тестем всего пятнадцать годков мы в ней прожили.

– Смотрите, мужики, какой сегодня день замечательный! – прекратил жилищные разговоры Федот Захаров, указывая пальцем на тускнеющее солнце красивого заката. – Так и хочется новых приключений!

Третий член компании приложил голову на стол и уже придремал, издавая тонкий свист носом. Булыкин и Захаров внимательно посмотрели на него и сошлись во мнении, что слабоват оказался Коля Незнайкин на питье любимого напитка.

Здесь Дмитрий задумался и уточнил у Захарова:

– Ты какие приключения имел в виду?

– Да это я так, шучу. По молодости все приключения ищут, особенно с чужой бабой на стороне...

– А, ты об этом, – понял Булыкин и глаза его заблестели, – мне тоже есть о чем вспомнить, Федя. Такое ведь не забывается!

– Может, расскажешь? – заинтересовался Захаров.

– Дашь на дашь! Сначала я, затем ты. Идет? – и после молчаливого согласия соседа Булыкин рассказал свою историю.

– Мы жили на окраине, откуда частенько под опорами МКАД я добирался до одной деревушки – сейчас она превратилась в благоустроенный поселок – и покупал на семью свежее молоко. Дом, где мне молоко продавали, принадлежал приятной веселой женщине, весьма интеллигентной на вид, муж у которой умер от какой-то болезни, вновь выйти замуж ей как-то не сподобилось и растила одна сына и дочь. Когда я стал заглядывать к ней за молоком, Полина встречалась уже с одним отморозком, но его на десять лет как раз перед этим упекли в колонию. Короче, однажды при очередном прибытии за товаром я пошутил с хозяйкой дома, что такой пригожей женщине не положено спать одной в холодной постели. Слегка улыбувшись своими полными губами, Полина ответила весьма недвусмысленно, покосившись на детей, завтракающих в этот момент за столом:

– А с кем спать-то прикажете? Не с вами ли?

– Кто бы был против! – ответил я, в шутку показывая, как закручиваю мушкетерские усы.

– Да хватит над бедной вдовой издеваться! – насмешливо ответила Полина. – Вас жена не отпустит... Впрочем, это ваша проблема, но после десяти мои дети спят крепким сном.

Сердце мое заколотилось, захотел я Полину невозможно как! Дома получилось как нельзя лучше: жену послали в командировку на семинар научных работников в бывший Ленинград на целую неделю. Детей у нас тогда еще не было и, естественно, я решил вечером наве-

стить Полину. Дело было к осени, погода стояла мокрая. Пока я добрался к знакомому дому вся обувь намокла.

– Я считала, что вы пошутили! – улыбнулась хозяйка, открывая дверь.

Дети действительно спали и Полина, положив мои ботинки на батарею местного отопления, недолго думая, постелила постель. И все, наверное, у нас получилось бы идеально, однако, как только я прилег в койку, в окно громко постучали. Полина вскочила со словами:

– Кто это может быть? Клянусь, никого не ждала!

Она выглянула в окно, отдернув краешек занавески, и тихо вскрикнула. Мне даже стало нехорошо и расхотелось заниматься мужским делом. А Полина подбежала к койке и сообщила:

– Мой хахаль объявился! Тикать вам надо, он жизни лишит и не моргнет глазом...

И тут я запаниковал! Из-за мимолетного желания помирать мне не хотелось. За пару секунд я оделся, но обуваться было уже поздно. Через окно в чулане я вылез в темноту деревни и босиком по холодной и мокрой земле помчался в столицу. Весь в грязи ворвался в подъезд нашей «хрущевки», до смерти испугав молодую парочку с первого этажа. Слава богу, что они меня не узнали!

С тех самых пор я не хожу налево от жены. Какое-то время было жалко новые ботинки, которые остались на батарее у Полины. Даже не знаю, какое объяснение она придумала насчет этой обуви для своего ухажера. И не узнаю никогда, потому что за молоком с того неудачного вечера я ходил только в ближайший магазин, не доходя до МКАДа.

Булыкин замолчал, вновь переживая случившееся когда-то событие. Захаров тоже молчал, но, похоже, уже приготовился рассказать свою историю. В это момент посвистывающий носом Незнайкин открыл глаза и заинтересованно произнес:

– У меня по этой теме тоже есть что рассказать.

– Ты, видать, не спал, Колюха? – удивился Захаров.

– Да разве под ваши непристойные разговоры уснешь? – невинно спросил Незнайкин.

– Тогда валяй-рассказывай! – разрешил Дмитрий.

– История, в общем-то, не со мной произошла, но на моих глазах. Попал я когда-то в санаторий «Красные горки», меня направили после того, как я уже отлежал в областной больнице с месяц. Ну, знаете, к ним – невропатологам как попадешь, так не знаешь, когда домой вернешься. Могут и до смерти залечить. Мой лечащий врач сообщила мне, что организму моему требуется дополнительное реабилитационное лечение, а такое лечение возможно только в санатории узкого профиля. И она рада, что нашлась бесплатная путевка именно для меня. Сам я не был в восторге, но жена моя тоже настаивала продолжить лечебный курс.

– Может быть, не так вести себя будешь дома, подобреешь! – предположила она и этим меня сильно огорчила. Конечно, работа нервная, трудная, за день так устанешь, что иногда пошумишь на домочадцев, сына за двойку поругаешь, жену – за холодное пюре и чай. Тоже мне, нашла злобного героя!

Короче, прямо из больницы меня на скорой помощи отправили в санаторий. Протрясся я полтора километра и прибыл туда весь разбитый. Мне повезло, что в тот день почти все уже заехали, и процедура оформления оказалась очень быстрой. Когда я вошел в двухместную палату, оформленную в виде гостиничного номера – умывальник, унитаз, ванная в отдельной комнате – сразу встретил своего соседа Ивана Рыбина. Познакомились, он мне порядки все рассказал: что, где, куда, когда... Хороший парень оказался Иван, моего почтенного возраста – ему до полста лет три месяца оставалось, а мне уже стукнуло. Росточка Иван был небольшого – не сильно за полтора метра. Подружились мы, часто беседовали на свободные темы, обсуждали политику партии и государства. Люди, конечно, все разные, но сильного отличия от других у Ивана я не заметил. Но это сначала. Потом уже, через неделю, Иван мне сказал:

– Меня друг собирается навестить в субботу, мы с ним много вина выпили, вместе два десятка лет проработали. Говорит, что приедет с подарком.

– Ты, Ваня, знаешь, что законы в санатории строгие, – я подумал, что его друг – алкаш. – Выгонят, если нарушим режим. Да еще на работу сообщат. Вот вылечишься – тогда пей какие угодно подарки.

На этот упрек Иван среагировал как-то странно. Он высказался в том духе, что давно соскучился по женскому телу, жена его прогнала и хорошо, что в этом же доме он прикупил однушку, а то бы и ночевать негде было. Чуть раньше он мне рассказал, что у него на работе есть три женщины – секретарша, бухгалтер и экономист – и вроде бы со всеми он переспал:

– Хорошие девки, тебе скажу! Любая по моей просьбе на работе со мной задержится. Веселые, не то, что жена у меня – по каждому поводу устраивает концерты.

Иван продолжил про своего друга и про его подарок:

– Ты тоже ведь здесь находишься на голодном пайке, так что я другу заказал и для тебя бабу.

Я чуть в кровати не подпрыгнул!

– А санаторный режим? – попробовал я отговорить Ивана. – Да и как ты женщин внутрь проведешь? Учти, мне никого не нужно!

Иван снисходительно на меня глянул и сказал:

– Мой дружбан привезет таких, что не откажешься...

Я был в панике и в таком состоянии ждал субботы. Наконец, она наступила, а примерно в шесть вечера крепкий, хорошо одетый мужчина вместе с Иваном привели с улицы в нашу палату двух невзрачных женщин, а также принесли большую сумку с гостинцами. Достали большие бутылки с темным напитком, назвав его коньяком, и разного закусона. Коньяка было литра три. Я сразу придумал несколько причин, чтобы не участвовать в этом разврате, но Иван с Вячеславом меня не отпустили. Пришлось немного пригубить дерьмовый левый коньяк, для вида еще и закусить. Не обижать же соседа. Женщины оказались очень веселые. «Уж не те ли, которые с Ивановской конторы?» – ужаснулся я. Видно было, что эти точно выполняют любую просьбу. Побыв с нами с часик, Вячеслав откланялся:

– Развлекайтесь, а мне пора домой. Ехать еще долго, да по темноте...

Остались мы четверо. Иван на ухо мне прошептал:

– Моя та, которая у окна.

Я чисто механически сравнил. Если уж выбирать из этих, то у окна была поинтересней. Я ничего не ответил, а Иван продолжал накачивать женщин «коньяком». Он был очень оживлен и то и дело подмигивал мне. Поскольку обе гостьи поняли, что я интереса к ним не испытываю, они полностью переключились на моего соседа. А он решил отвезти их домой на своей машине.

– Вань! Одумайся, ты же прилично на грудь принял...

Предупреждение не помогло, троица собралась, забрали оставшуюся еду и спиртное и пошли на выход. Были уже глубокие сумерки. Я в окно наблюдал, как Иван посадил дам в машину и не спеша выехал с территории санатория. Только теперь я успокоился и лег спать соответственно распорядку дня лечебного заведения. Сосед вернулся под утро очень возбужденный, с ходу начал было рассказывать, как он обоих удовлетворял, причем очень подробно. Я отмахнулся от него и опять заснул. Утром Иван не встал к завтраку, что говорило о его действительной усталости. И до сих пор, вспоминая этот эпизод в своей жизни, я не могу не поражаться небывалой энергии невысокого шупленького Ивана, с которым познакомился в тот далекий год. Когда я недавно – в конце декабря – позвонил ему и поздравил с наступающим Новым годом, он очень мне обрадовался, сообщил, что благополучно излечился после той групповухи и неожиданно для себя самого сошелся с женой, причем налево его больше не тянет.

Федот Захаров задумчиво дослушал исповедь Незнайкина и перешел к своему монологу:

– У меня вышло все совсем по-другому. Когда мне исполнилось пятьдесят лет, попала мне на глаза заметка в прессе про кризис среднего возраста. И там всякие примеры, как у мужи-

ков в такие годы происходит повышенное влечение к лицам противоположного пола, которое доводит некоторых до ухода из семьи, разводам, убийствам из-за ревности и тому подобное. Приводились в пример фамилии известных лиц из научной среды, от искусства, шоу-бизнеса. Почитал я и задумался, а почему это меня на такое не тянет? Потом догадался: да потому, что я еще холостой! Меня мама долго при себе держала, не подпускала ко мне никаких женщин, расстраивала все мои попытки начать самостоятельную жизнь мужчины. Когда она умерла, я по инерции долго не мог сблизиться с женщинами, нормально жил один, как будто так и надо. А после этой статьи я быстренько познакомился с давней разведенкой, жившей неподалеку, мы с ней поженились, родили близнецов Машу и Пашу, а затем, занимаясь хозяйственными делами, я одновременно ждал, когда ко мне придет этот заинтриговавший меня кризис. Ну, не мужик я что ли? Положено прийти кризису? Ну и приходи! А он не приходит год, не приходит два... Я стал немного расстраиваться, получается, что со мною не все благополучно! Даже моя супруга Зина заметила мои страдания и стала расспрашивать, что со мной? Конечно, я ей не стал говорить о причине, это же сугубо мужское дело... Она долго не унималась, не верила, что я – в порядке. Даже в моих вещах рылась, номера телефонов в мобильнике проверяла, у коллег по работе интересовалась. Потом, наконец, успокоилась. И вот по прошествии еще нескольких месяцев у меня началось! А все из-за телефонного звонка не по адресу. Ну, это когда тебе звонят, а оказывается, что совсем не тебе хотели звонить. Ошиблись, значит. Голос был женский, очень приятный. «Вова! Это ты?» – спросили этим приятным голосом мне на работу. Я извинился, сказал, что я не Вова, а Федя. Трубку сразу положили, но голос во мне остался. Целый день я думал, что мне с этим голосом делать. Ночь не спал. Кризис что ли начинается? На следующий день не выдержал и по этому номеру, сохраненному в мобильнике, позвонил и глупо так поинтересовался:

– Добрый день! Это вчерашний Федя звонит, не могу я Вову заменить?

Голос, который я сразу узнал, похоже, мне обрадовался:

– Вам тоже хорошего дня! Разумеется, Вову вы заменить не сможете, но почему бы вам не заглянуть ко мне на чай? Как вы думаете?

Я хотел ответить, что ничего по этому поводу не думаю, но во время остановился. Вдруг у женщины с приятным голосом сложится обо мне неверное представление, например, что я сильно тупой. Еще раз вспомнив о кризисе, я согласился:

– Заглянуть я не против, только, извините, не знаю, куда именно...

– Как куда? – немного удивилась она. – Ко мне, конечно!

– А где тогда будет Вова? – не утерпел я.

– Не волнуйтесь, Вовы не будет...

– Так мне куда-нибудь прийти?

– Да!

– А куда именно? – растерялся я, понимая, что процесс пошел, дело налаживается. Но это дело было для меня новым, поэтому непонятным.

– Приходите ко мне домой, сразу после шести часов вечера, – и женщина назвала номер квартиры и адрес дома, по счастливой случайности находящегося на параллельной улице. После этого она положила трубку.

Хорошо, что я один сидел в кабинете, остальные были в разъездах, а то они долго были бы удивлены, какой у меня в то день был удрученный вид. Позвонил домой, но с женой связаться не удалось. Теща сообщила, что дома только Маша и Паша, а Света по какому-то поводу пропустит еще не меньше пары часов у подружки. Мобильник она забыла дома, можно не звонить.

Рабочий день заканчивался. Если потихоньку поехать, то как раз после шести вечера попаду к незнакомке. И все ей выскажу про кризис среднего возраста. Короче, вы не поверите, но в тот день все получилось, как в ученой заметке: свидание, исполнение желаний с изменой супружескому долгу и возвращение с виноватым видом домой.

Немного утешило, что Зинаида пока не вернулась от подруги, и какое-то время у меня еще оставалось на обдумывание моего безобразного поступка. Я сидел и вспоминал события на параллельной улице: как все это случилось. Потом пришла жена и спросила, что я такой понурый. Я промолчал. Она вынула из халата какой-то замызганный журнальный листок и сказала:

– Это надо же, зачитал до дыр!

Я виновато молчал. Она продолжила:

– Надеюсь, теперь ты успокоишься! – и ушла к детям. Я поспешил за ней и спросил, что она имеет в виду.

– Кризис, что же еще? – Зина показала на наших спящих детей. – Разве от них можно уйти?

– Я и не собирался!

И здесь жена мне все выложила:

– Зная тебя и найдя эту злосчастную статью, я сразу поняла, что тебе не хватает. И все организовала.

– Что организовала? – удивился я.

– Я ведь уверяла Катюху, что ты ни о чем не догадаешься, а она не верила. По известному тебе адресу ты переспал со мной.

У меня как будто камень с души свалился. То-то в той квартире было темно и меня водили за руку, сообщив, что электричество за долги отключили. И молчаливая женщина, которую я обнимал, кого-то мне напоминала... До меня дошло! И я воскликнул:

– Зина! Ты – прелесть! И я люблю тебя и наших детей! Мне больше никто не нужен! Ты меня простишь?

– А как ты думаешь? – спросила она и полезла целоваться.

Немного мужики посидели молча. Хмель потихоньку весь выпарился. Все истории были рассказаны и они заторопились домой к своим женам.

Я обязательно вернусь

Вчера прочитал я объявление про несколько жилых объектов, где до сих пор наблюдаются паранормальные явления. И нашлись люди, которые захотели эти объекты использовать в целях наживы, для чего приглашают посетить такие места, разумеется, за определенную плату.

Естественно, я заинтересовался, так как с детства любил страшные рассказы про всяких призраков, нечистую силу, барабашек, водяных и т. д. и т. п. С тех далеких лет меня мучила какая-то недосказанность во всех этих историях. Никаких страшилок этого рода я никогда не боялся, так как несколько лет после школы посещал спортивный зал по соседству с домом и выучил уйму всяких приемов от индейцев майя до родных братьев Кличко. Поэтому, недолго думая, я позвонил по указанному в объявлении адресу, представился и пояснил цель своего звонка. На другом конце провода молодой женский голос, больше похожий на те голоса, которые работают с клиентами во время секса по телефону, приятно промурлыкал:

– Seriously? Вы действительно желаете побродить по замку под ручку с призраком? Или развлечься мелодией, придуманной барабашкой, либо послушать его перестуки в разных частях жилища? У вас, видимо, нет другого занятия? Может быть, мы вам по другому окажем помощь? Если, конечно, у вас достаточные финансовые возможности.

– Нет! – отрезал я. – По-другому не хочу, как говорится: назвались груздем...

– Что? – изумился приятный голос. – Кем я назвалась?

– Да это я так, пошутил! – поправился я. – Пословица такая имеется в русском языке. Так вы заказ принимаете или нет?

– Мужик! – вдруг раздался в трубке грубый баритон. – Тебе чего надо? Смерти ищешь?

– А ты кто такой? – на всякий случай уточнил я. – Где та, которая с приятным голосом?

– У меня голос не менее приятный, – опять не совсем вежливо ответил баритон, – чем мой голос тебе, мужик, не по нраву?

– Слушай, дружок! – не вытерпел я. – Ты как попал на линию? Сейчас же отдай молодой тете трубку, я же с ней, а не с тобой договариваюсь!

– Линусь! О чем это ты с этим фуфлом договаривалась? Зенки повыцарапаю! – дальше в трубке прозвучала обычная семейная перепалка.

Я ждал. Наконец мужика вдалеке уладили и опять со мной продолжила разговор то ли его супруга, то ли сожительница, кстати, голос был все такой же спокойный кошаце-мурлыкающий:

– Так какого рода развлечение вы предпочтете, Николай Филиппович? В нашем объявлении все перечислено.

– Линусик! – начал я и осекся. – Извините!

– Можете меня так называть, не возражаю, – промурлыкал голос, – продолжайте, пожалуйста...

– Мне проверить свои ощущения хочется в замке с привидениями. Далеко ваш замок находится? В какой стране? Давненько я не был за границей!

– Что вы, что вы! Да все это в нашей родной стране, в России-матушке, дорогой Николай! – продолжила Линусик. – Надеюсь, вы тоже не возражаете против моего к вам обращения по имени. Мы с вами одного возраста, одинаковый цвет волос, даже роста мы одного.

– Почему вы так решили? – удивился я.

– Это мой секрет, Николай. Если вы сомневаетесь в моих способностях, то что бы вы ответили, если назову имя вашей матери? Ее звали Варвара Ивановна.

Хорошо, что звонил я с домашнего телефона и рядом стоял стул, а то свалился бы от изумления, а так – все-таки успел присесть...

– Откуда?.. Хотя нет, это тоже ваш секрет, наверное.

– Конечно. У меня секретов много. Давайте поступим так. Сегодня мой одуванчик проверит, какие дела в нашем замке-притоне, а завтра я вам позвоню, сообщу, куда и когда приходить, где забрать ключ и сколько времени вам надлежит в этом заведении пробыть. Оплата – после получения всего набора ощущений, которые вы пожелали. До встречи, Коленька! – трубку на том конце линии положили. Я даже не успел спросить, а кого она собственно одуванчиком назвала – сожителя своего, что ли? Грубияна этого? И как его звать на самом деле? Вдруг встретимся на узкой дорожке перед замком. А меня все-таки Коленькой назвала и прозвучало это довольно-таки мило и двусмысленно.

Весь следующий отпускной день я размышлял над тем, где у нас в Москве находится замок-притон? Конечно, нехилая хибарка Примадонны с Галкиным в Грязях определенно отпадает. Залез в Интернет, но ничего подобного не обнаружил. Может, что-то новое построили? Ведь я просил какое-нибудь средневековое сооружение, пахнущее прошлыми тайнами, сотнями неизъяснимых смертей, напичканное темными силами и светлыми прозрачными приведениями с головами и без. Обычно такое встречается – по слухам – в Европе, чаще – в Англии. Но есть ли такое в нашей столице?

С другой стороны, вызывала настороженность легкомысленная добавка к слову «замок» слова «притон». Притонов-то в столице предостаточно! Мэру города они точно работенки добавляют. Так ничего не придумав, стал я ждать, когда объявится вчерашняя телефонная девушка. Она позвонила ровно в полдень, когда я перекусывал всухомятку на своей маленькой хрущевской кухонке. Линусика я сразу почувствовал, подумал еще, что теперь мне предстоит целый месяц развлечений в порядочном заведении, имеющем преогромные размеры, а не ютиться, как сейчас на двадцати квадратных метрах. Чутье меня не обмануло, это была та самая, которая просто замечательно мурлыкала в трубку:

– Николай Филиппович? – официально осведомилась она. – Добрый вам день! Надеюсь, вы не передумали и заказ не собираетесь отменять?

– Конечно, нет! Здравствуйте! – ответил я и внутренне напрягся. Начинается приключение!

– Запоминайте! Записывать ничего не надо, просто запоминайте, – начала она инструктаж, – буду говорить медленно и повторять, чтобы запомнили лучше и не ошиблись с адресом. Ровно в восемнадцать ноль-ноль вы приезжаете на улицу Даргомыжскую, это от вас совсем недалеко, подходите к дому номер тринадцать, входите во двор и направляетесь точнехонько к парадному входу в замок. У ворот вас встретит привратник в голубой ливрее с гербом княжества на груди. Он позволит вам войти внутрь и передаст горничной, которая отведет вас в ваши покои, где вы будете ночевать, покажет столовую, где, в определенное этикетом время, вас будет ожидать еда. На плане, вывешенном на стене столовой, вы найдете расположение остальных комнат замка. Вы живете там без права выхода – кстати, выхода вы все равно не найдете – ровно месяц, а затем вам эта же горничная поможет выбраться на белый свет. В замке на всех этажах будут гореть свечи – ну, может быть, не всегда. В столовой и спальне вы при необходимости найдете свежую свечу и, по крайней мере, спички. Жить в замке вам придется одному. – Линусик помолчала, затем неожиданно спросила, как выстрелила: – У матросов есть вопросы?

У матросов существенных вопросов не оказалось. Так, мелочь...

– Деньги вносить за экскурсию на выходе? И кому? Где вас найти? – поинтересовался я.

– Коленька! Об этом не переживайте, вам главное остаться живым после такой экскурсии! Деньги мне отдадите сразу после шоу. В инвалюте, и лучше в евро, поскольку вам предстоит побывать именно в настоящем западноевропейском замке, так что заранее поменяйте дере-

вянные. Еще вопросы? Нет вопросов. Очень надеюсь, что еще увидимся! – Разговор на этом прервался.

Прямо скажем, некоторые ее намеки мне не совсем понравились, но делать нечего. Я по привычке почесал в голове, обдумывая ситуацию. Как может европейский замок попасть в Москву? Что это за огромное здание в Москве, похожее на замок, в котором, скорее всего, никто не живет? Как получилось, что в московском здании отсутствует электрическое освещение, а, значит, там не осталось даже никаких следов какой-нибудь электропроводки? «Ладно! Все это мы еще проверим во время танцев в темноте! – пошутил я мысленно. – В любом случае я обязательно вернусь...» Затем я пошел в обменный пункт.

Ровно без пяти шесть вечера я вышел на Даргомыжскую и прошел по ней немного вперед по нечетной стороне. Раньше мне здесь бывать не пришлось, поэтому с изумлением я обнаружил прибитую к ограде высокого каменного забора табличку с номером тринадцать. Я посмотрел вправо и влево вдоль улицы, но в середине зимы в это время было достаточно темно и людей я не увидел. В огромных воротах находилась небольшая калитка, через которую я и проник на довольно широкую площадь перед красивым, слегка поправленным временем зданием, весьма смахивающим на настоящий замок! Три из четырех угловые видовые башенки на крыше замка, запорошенной снегом, были разрушены. Стекла на темных окнах хотя и были целыми на первый взгляд, но я не был уверен, что не отсутствовали, треснутые от старости. Все мне удалось рассмотреть благодаря двум крупным круглым светильникам, расположенным чуть впереди меня прямо перед замком. Я оглянулся. Ни калитки, ни ворот сзади уже не было, что, видимо, и следовало ожидать. Оставалось действовать по законам жанра и прорваться внутрь для борьбы с обнаруженной нечистью. На всякий случай я перекрестился и пошагал по легкому снежку к парадному входу, где маячил высокий худой старик с пикой наперерез. Я осторожно приблизился, но он на нормальном русском языке поинтересовался:

– Господин Расторгуев?

– Так точно! – не удержался я от иронического ответа, приставив правую руку к шапке.

Старик отсалютовал мне специально выверенными движениями и пригласил:

– Пожалуйте в наш замок!

Никакого герба на ливрее старика, если это была именно ливрея, я не заметил. Здесь нарядная с широким кольцом дверь широко растворилась, изнутри повеяло теплом с каким-то посторонним запахом, я не разобрал, с каким, и на пороге возникла пышногрудая дородная женщина в чистом белом одеянии. Молча она уступила мне проход и пошла затем чуть впереди, не говоря ни слова. «Неужели немая?» – подумал я.

– Просто мне не дозволено разговаривать с постояльцами замка! – неожиданно громко произнесла она гнусавым голосом и замолчала окончательно.

Меня привели на второй этаж в просторную комнату с высоким потолком, обставленную как спальная. Особенно мне понравилась широкая кровать, на такой мне больше, видимо, не удастся подремать в жизни. Женщина в белом плавно развела руки, представляя помещение, и я согласно кивнул. Потом она показала мне рядом расположенный кабинет, а затем столовую в другом конце коридора и еще некоторые помещения общего пользования. Везде, где мы проходили, на стенах горели свечи. Темно не было, но и похвастаться хорошим освещением хозяева замка тоже не могли. Пока я оглядывался на стены, на свечи – моя провожатая исчезла. Я подошел к окну, расположенному в конце коридора, взглянул в него и не увидел обычной московской улицы, не было и Останкинской башни, других знаковых сооружений столицы России. Везде было темно, без единого огонька. «Куда же это я попал? И где же ключ, который мне обещали?» – появилась запоздалая мысль, но сразу исчезла, так как внезапно прозвенел тихий гонг и я поспешил в столовую. И не ошибся – мне был приготовлен ужин.

После ужина я решил вернуться в кабинет, где заметил при первом посещении длинные полки с книгами. Поскольку от телевизора и Интернета на месяц меня огородили, буду изучать старинные фолианты, проверю заодно свое знание английского. Но ни английский, ни французский здесь помочь не мог, полки оказались бутафорскими, я только смог поскрести по ним ногтями. Тогда что же мне здесь делать, чем заняться, так сказать, в свободное от работы время? Я достал из кармана мобильник, попробовал позвонить своей приятельнице Люсе Дружининой, чтобы сообщить о срочной неожиданной командировке, из которой, бывает, что и не возвращаются. Телефон даже не вошел в сеть. Ну что же, видимо, такие здесь правила игры!

По памяти я прошел несколько метров по слабо освещенному коридору и спустился к роскошной выходной двери из металла серого цвета, может быть, из титана. Выглядела она очень прочной и на мой слабый стук кулаком в середину не отозвалась никаким звуком. Я вновь поднялся на второй этаж, решив лечь и поспать до самого утра. Сразу мне это не удалось, потому что спальня исчезла из той комнаты, где должна была находиться. Испытывая некоторый дискомфорт, я осмотрел ближайшие помещения, нашел столовую, кабинет, санузел и ряд открытых, но пустых комнат, только спальни своей не нашел. В пустых комнатах света не было, мне пришлось забрать пару свечей в столовой, с ними и производил поиски. Замок состоял из трех этажей, но на верхний этаж меня не тянуло, пока я приспособливался, ждал здесь начала всяких чудес вперемежку с ужасами. Но привидения, видимо, еще отдохали, на моем светящемся циферблате часов было только половина девятого. Отчаявшись найти место для полноценного отдыха, я решил составить стулья в кабинете и лечь на них, подложив шапку под голову, и укрывшись теплой курткой. Когда я учился заочно в институте, такая манера при ночном отдыхе меня в давние времена устраивала. Но только я прилег на стульях, как послышался глухой стук открываемой двери, я вскочил, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Пламя свечей колыхалось, но в кабинете кроме меня по-прежнему никто не появился. Я выглянул в коридор, там света уже не было, поэтому я вновь закрыл дверь и с трудом повернул находящийся в замке ключ, проверил, что дверь заперта, и хотел опять прикорнуть на прежнем месте. Но не успел, так как в единственное окно кабинета стала внезапно биться крылом какая-то большая темная птица. Слабое освещение кабинета не позволило мне разглядеть, что это было: московское крылатое существо или средневековое английское. Подойдя к окну, я попытался разглядеть птицу, но она сразу исчезла, по моему, шлепнулась к подножию замка – я услышал слабый звук падения.

Поскольку спать мне расхотелось, я опять зажег свечу и прошел по коридору, добавив огонька, чтобы осмотреться еще раз. И здесь мне повезло – нашлась моя спальня. Оказывается, она никуда не пропала, просто я не там искал. При входе внутрь я оглянулся и увидел в десятке метров от себя медленно плывущее по воздуху светлое пятно на высоте человеческого роста. Сразу догадался, что ко мне пожаловало привидение. Я полностью вышел в коридор и, любуясь зрелищем, внятно спросил:

– Вы прибыли ко мне?

Светлое пятно прекратило двигаться, как будто звук человеческого голоса его обескуражил. Через какие-то пять минут пятно стало трансформироваться, вверху появились прогалы глаз, по бокам показались бесформенные руки, к низу протянулись подобия ног. Привидение попыталось что-то промолвить, но столь нечленораздельно, что я вынужден был попросить:

– Ничего не понять, говорите громче и внятней!

– Вы не боитесь привидений? – на этот раз довольно четко спросил чей-то близко расположенный голос.

– Нет! – сознался я. – И никогда не боялся. Правда, и не встречал их ни разу. Я думаю, что вы – доброе привидение и ничего плохого мне не сделаете?

В коридоре потянуло холодом. Судя по установленным вдоль стен регистрам, замок имел центральное отопление, то есть где-то стоял здоровый котел с водой и подогревался природным или иным каким-нибудь горючим газом, что приводило к распространению тепла путем конвекции по всем этажам здания. Холодный ветер подул явно снизу. Я спросил у привидения:

– Могли отключить отопление?

– Здесь все могут, им только клиента на тот свет отправить, а там хоть трава не расти!

– Хорошо, – попытался я договориться с привидением, – пойду и лягу в постель, а утром посмотрю, что с системой отопления можно сделать. Тебя как в былые времена величали?

– Поскольку я являюсь потомком графа Калиостро, то так и зовите меня, если вам интересно. А прилечь сейчас наверняка не удастся! Неужели вам невдомек, что самое интересное как раз и бывает ночью. Кто же даст заснуть в такое время?

Мне это все порядком надоело, и я твердо сказал:

– Слушай, граф, или как там тебя! Я хочу выспаться, а ваши дохлые шуточки – передай это своим хозяевам – не очень мне нравятся, слишком они дешевые. Скажи, что злить меня себе дороже будет!

С этими словами я вернулся в спальню и заперся изнутри. Мельком сквозь щель в закрываемой двери я успел заметить: если сказать, что привидение висело, как оплеванное, то это будет в самую точку!

Конечно, запор на дверях замка внушал определенные опасения, не похожи эти запоры были на мой на входной двери. Когда в моей хрущевке вспыхнул пожар в прошлом году, пожарным, чтобы добраться до койки, где я спал мертвецким сном после легкой попойки, пришлось вырубать топорами филенку в двери. Тем не менее, я лег, раздевшись, в широкую постель и моментально заснул. То ли у хозяев не хватило духу рушить все подряд, либо они решили свои шуточки оставить до следующей ночи, но больше меня никто до утра не беспокоил.

Встал я поздно, в единственное окно заглядывал слабый свет зимнего утра и из свечей горела только одна – у входной двери. Я сходил в средневековый санузел со своей свечей, умылся, прополоскал рот каким-то пакостным раствором, приготовленным для этой цели вместо использования пасты с зубной щеткой, и направился напрямик в столовую. Я не ошибся – завтрак меня ждал, он был достаточно горячим, как будто, кто-то следил за моими передвижениями. Но я же помнил, что сказала на прощание Линусик: жить буду один! Значит, прислуги быть здесь не должно. А кто тогда мне готовит и как моя еда появляется на столе? Это был настоящий неразрешимый вопрос. Как раз по моему вкусу: всегда любил и буду любить загадки, которые жизнь мне подсовывает. Тем более от Линусика!

После плотного завтрака я пошел проверять все подряд комнаты в этом гадюшнике. Вначале я, насобирав по своим комнатам кучу свечей и пару коробков со спичками, решил навестить верхний третий этаж, а если удастся, то и в неповрежденную башенку заодно заглянуть. А вдруг там находится центр всего паранормального, что расходится к ночи по всему замку? Лестница на этаж выше была свободна и никаких препятствий мне не учинила. Сквозной коридор здесь также не был освещен. Я зажег одну свечу и установил ее в первый по коридору подсвечник, а сам по круговой узенькой лестнице поднялся в башенку. Кроме кошачьих испражнений по углам – видимо, тоже средневековой давности – ничего не обнаружилось. Заглянул с самой высокой точки в круглое окошко и, хотя за ним было достаточно светло для этого времени суток, окрестности не просматривались и опять я не смог понять, где же нахожусь: в столице своей любимой Родины, либо в каком-то старинном английском захолустье. Или во французском...

Вернувшись на третий этаж, зажег еще свечу и пошел шерстить по средневековым комнатам. В первой же комнате наткнулся на старый засохший рояль. Он стоял ровно посередине и при хорошем везении, наверное, мог издать какие-то музыкальные звуки. Я даже попробо-

вал нажать одну клавишу, слегка стерев носовым платком с нее пыль. Раздавшийся звук заставил меня даже подпрыгнуть! Интересно, они это для моего устрашения приготовили, что ли? На всякий случай мне пришлось кое-что исправить внутри инструмента, отчего его ярость померкла, теперь клавиши могли только слегка шепелявить.

Во второй комнате почему-то горели свечи в каждом подсвечнике. Возможно, как раз здесь готовилась еда и планировались против меня козни. Но кроме потухшего в давние времена камина здесь тоже ничего не было. Правда, в первый момент, когда я сюда вошел, мне показалось, что комната полна призрачными столами, креслами, дымок от свеч вытягивался в единственную открытую форточку, которую я впервые заметил в замке. Мне даже слегка почудилось, что вокруг меня в комнате находились люди, а, может быть, приведения. Но разглядеть как следует ничего этого я не смог. Через форточку я тоже кроме тумана вокруг замка ничего не заметил. Поэтому двинулся дальше. Свеча в начале коридора погасла и пришлось зажигать новую. Не успел я этого сделать, как рядом объявилось вчерашнее привидение и поинтересовалось, что, собственно, я ищу. Естественно, я за словом в карман не полез:

– Что-то ты, граф Калиостро, днем вздумал людей пугать? Изыди и не попадайся больше на глаза!

Он моментально растаял в воздухе и, действительно, до позднего вечера не появлялся. А я пробежался по оставшимся комнатам, которые оказались все до одной открытыми и не представляющими никакого интереса для такого парня, как я. Темновато оказалось добираться к себе, потому что спички почти все были отсыревшими, много я использовал в поисках сухой, и теперь с третьего этажа на второй добирался вслепую, прикасаясь руками к осклизлым стенам из булыжников, добытых когда-то в окрестных каменоломнях. Но все-таки я попал в свой кабинет, где было намного уютнее, чем в холодном коридоре. Да и свету было достаточно, чтобы поискать уже здесь какие-нибудь дополнительные секреты.

К бутафорским шкафам с книгами я больше не притронулся, занялся письменным столом. Это было настоящее произведение искусства из красного дерева, с резьбой в самых неожиданных местах, с изогнутыми ножками, с полированной крышкой. Но ни один из ящиков стола почему-то открываться сразу не захотел. Кому такое может понравиться? Так как и мне это было не по душе, я начал искать способы, как вскрыть красивую деревянную банку, чтобы проверить ее содержимое и в то же время не повредить. Понятно, что здесь имелись какие-то тайные запоры, которые следовало отыскать. По воспоминаниям мне пришло в голову, что тайные отмычки подобных изделий должны находиться на стенах, за шторами, под выступом подоконника, еще где-нибудь. И стал я искать такие места, интересно мне было разгадать одну из хитростей замка. Несколько раз проверил я все похожее на тайники, наконец, нашел: в углу кабинета стояла небольшая лесенка, видимо, служащая когда-то для работы с книжными шкафами, для перекладывания книг на верхних полках. Я забрался на нее, опираясь на изящные надраенные до блеска медные поручни, и обнаружил небольшой рычажок на боковой поверхности крайнего шкафа с ненастоящими книжными фолиантами. Слегка передвинул металлическую пластинку рычажка и в комнате пронесся тяжелый полувздых, точно не принадлежащий человеческому существу. Я слез на пол и все в комнате оглядел. Но того, кто мог так вздохнуть, не нашел. Зато я увидел, что все до единого ящика красавца-стола были слегка приоткрыты. Вот уж радость для искателя приключений!

Копался в ящиках я долго, причем, чем дольше копался, тем больше недоумевал. Зачем было делать тайной содержимое стола, когда там особенного ничего не было. Были какие-то старые излохмаченные от старости рубашки, причем, на мой взгляд, абсолютно женские, находились там почерневшие от многих веков листы непонятной бумаги без признаков нанесенного письма, нашел я еще несколько свеч и с десятков коробков спичек – явно советского производства, а не такие полудревние, которыми пользовались при царе Горохе и которыми вчера ничего толком разжечь было нельзя. Ни золотой, ни серебряной утвари стол не содер-

жал, что было неудивительно, поскольку он являлся кабинетным письменным столом. Раздосадованный, я зачихал все дерьмо обратно и решил спуститься на первый этаж для попытки починить тепловой котел. Заодно помыть руки, если нашлось бы мыло или что-то похожее на мыло. Интересно было взглянуть на систему отопления и сравнить ее с современной.

По углам на поворотах я восстановил горящие свечи, где их какая-то нечистая сила задула, и, спустившись, сразу нашел котельную. Еще в столовой на карте я обнаружил это помещение, рядом с которым был нанесен простенький знак огня, а также прямая неидеальная схема трубной разводки по зданию замка. Здесь было очень тепло, а около огня – так вообще жарко. Нужно было отметить, что расположение отопительного устройства сильно смахивало на старый открытый камин, в этой комнате можно было бы устроить небольшой пикник – правда, только при свете горящих поленьев (разумеется, никакого газа), – натаскав сюда сверху несколько стульев и столов, а также закупив старого Бургундского и достаточно сырого мяса для шашлыков. Через короткое время после начала веселья у всех развязались бы языки, и я бы узнал подробности появления всех этих замков, привидений, обезумевших и бросающихся на окна птиц и старого забулдыги-привратника в непонятной ливрее, а заодно и неразговорчивой горничной. Я присел на единственный находящийся здесь колченогий стул, издавший опасный звук подо мной, и вспомнил чарующий голос Линусика. К сожалению, никто не появлялся, тем более сильно запавшая мне в душу телефонная девушка, только слегка потрескивали дрова под котлом и хотелось потихоньку заснуть на моем аварийном стуле. Но делать этого, конечно, не стоило, и я начал разбираться с трубами, состыкованными с медным котлом. Навешав свечек во все обнаруженные здесь подсвечники, я залил из найденного ведерка огонь и проверил уровень в котле. Конечно, воды там было явно недостаточно и контакта пламени не хватало для нормальной работы всей системы. Люк, снятый мною с котла, был очень тяжел и я понимал, что если какая-нибудь зараза мне не поможет долить воды и закрыть как следует котел, то через пару-тройку дней здесь смогут найти только мой окоченевший труп. Но я понимал, что в планы хозяев такое не должно было входить, ведь иначе некому будет за удовольствие расплатиться. Трупы еще ни разу никому не отслонявили необходимой валюты. Только мне это пришло в голову, как из одной не подсоединенной к котлу трубы начала течь малой струйкой вода. Направив трубу – благо она была медная и не очень большого диаметра – ближе к открытому котлу, я понял, что таким образом можно его заполнить. Поток воды явно усилился и через полчаса ее натекло предостаточно.

– Стоп! – сказал я громко, и вода перестала течь. «Здорово! – подумал я. – Как это там Емеля печкой-то управлял?»

Теперь предстояло затащить вверх люк. Сбросить вниз его труда не составило, а вот... И здесь у меня, видно, поехала голова, потому что люк самостоятельно взмыл в воздух и опустился на котел, мне осталось только поправить прокладку и затянуть болты очень древним ключом. Потом я разжег под котлом огонь и, по мере разгорания дров, набросал их туда более чем достаточно. Притомился я, конечно, прилично и пошел отдыхать, оставив одну дежурную свечу. Попавшее по дороге на верх приевшееся мне привидение я послал изящными матерными словами в далекие края, а сам пришел в столовую, стряхнув заранее в коридоре пыль, помыл руки, поел приготовленный, но уже порядком остывший обед – времени было уже пять часов дня! – и направился в свою спальню. К сожалению, она вновь исчезла! Это было какое-то наваждение: моя спальня то появлялась, то неожиданно исчезала, причем без предупреждения. Я прилично разозлился и, догнав недалеко упорхнувшее привидение накинудся на него с кулаками. Следует сразу сказать, что эта летающая гадина оказалась довольно твердой в ближнем бою и очень подвижной. Короче, она легко увернулась от меня после первого же прикосновения и испуганно завопила:

– Что вам нужно? Зачем все с кулаками решать? Хозяева выполняют соглашение и вы тоже должны. Что за проблемы возникли?

– Возникли вот! – стал я остывать. Действительно, что я на этого тряпичного идиота набросился? Ему, наверное, несколько сотен лет стукнуло, и натренированные кулаки мои могли в клочья его разнести. – Проблема, граф, в том, что ты лично, или кто-то другой воруют мою спальню время от времени, а я в ней отдыхать привык!

– Извините, приятель! Больше этого не повторится, это мой брат постарался, выпендривается на старости лет. В январе ему четыреста лет минуло, но как был дураком, так и остался! Можете занять свою спальню, больше она от вас никуда не денется. Кстати, большое спасибо наша хозяйка за помощь с отоплением вам передала, а то мы здесь все уже несколько недель стынем.

– Это какая хозяйка? Линусик? – сразу наострил я уши. Как-то это имя меня напрягло...

Но привидение не захотело со мной на эту тему распространяться и внезапно исчезло. Я зашел в спальню, разделся и улегся спать, так как делать сегодня было больше нечего. Неожиданно в дверь постучали. Я встал, приоткрыл замок и выглянул в темный коридор. Никого не было. Только я двинулся к кровати, как где-то в глубине замка затарахтели какие-то звуки, больше напоминающие барабанные палочки. Ну, точно барабашка объявился, а мне так спать хотелось! Пришлось вновь одеться и выйти поискать проказника. Уже в коридоре я услышал противные негромкие скрипы починенного мною рояля. Я был доволен, что успел с ним хорошо поработать, вот теперь хозяйское отродье поймет, что не на того напали!

Поднявшись на третий этаж с одной свечей, я побродил по комнатам, но никого не увидел, даже рояля, наверное, его сволокли в другое место. Здесь все меняют местами, если хотят сами запутаться. Ну и пусть, я им еще устрою праздник! Но здесь внезапно попытались мне устроить мочилово! Откуда-то сверху рухнули разрушенные остатки рояля, видимо, им не понравилось его сегодняшнее звучание. Я стоял, весь осыпанный разноцветными клавишами и тонкими струнами. Слава богу, что крупные осколки инструмента прились не на меня, а на кого-то более слабого, так как совсем рядом в темноте раздался женский стон и при свете свечи я разглядел целую гору деревянных осколков. Живых существ, правда, в их середине я не обнаружил и пошел на свой этаж готовиться ко сну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.